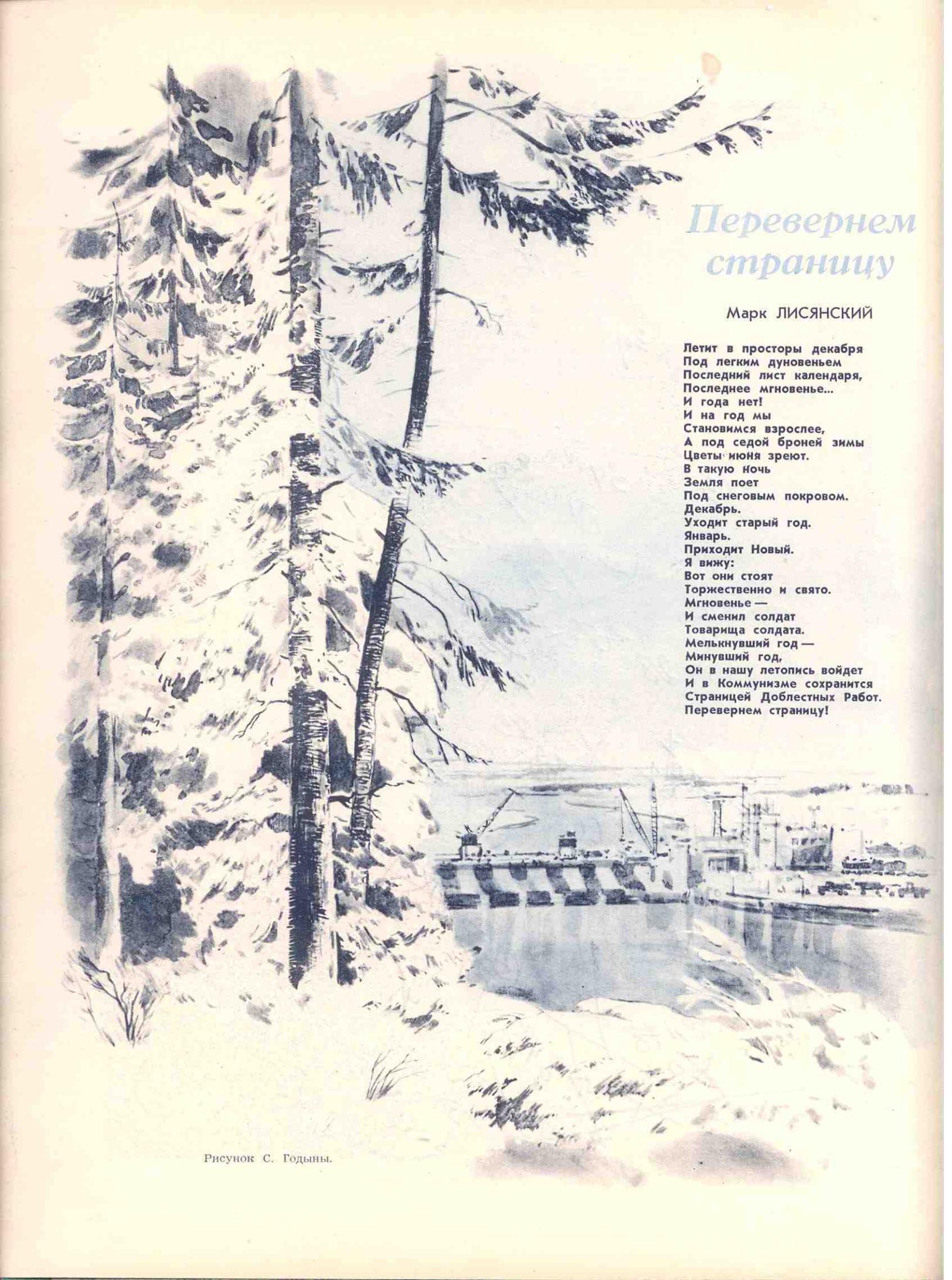

КРЕСТЬЯНКА

№ 12
ДЕКАБРЬ
1955

Перевернем страницу

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Летит в просторы декабря
Под легким дуновеньем
Последний лист календаря,
Последнее мгновенье...
И года нет!
И на год мы
Становимся взрослее,
А под седой броней зимы
Цветы июня зреют.
В такую ночь
Земля поет
Под снеговым покровом.
Декабрь.
Уходит старый год.
Январь.
Приходит Новый.
Я вижу:
Вот они стоят
Торжественно и свято.
Мгновенье —
И сменил солдат
Товарища солдата.
Мелькнувший год —
Минувший год,
Он в нашу летопись войдет
И в Коммунизме сохранится
Страницей Доблестных Работ.
Перевернем страницу!

Рисунок С. Годыны.

КРЕСТЬЯНКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 12
ДЕКАБРЬ
1955

34-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

К НОВЫМ ПОБЕДАМ КОММУНИЗМА

Год от году растет и крепнет наша великая Родина. Советские люди, вдохновляемые Коммунистической партией, уверенно решают задачи неуклонного подъема социалистической экономики и культуры, борются за достижение великой цели — построение коммунизма.

В этом году 21 декабря исполняется семьдесят шесть лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, великого продолжателя бессмертного дела Ленина. Славная жизнь и деятельность И. В. Сталина неразрывно связаны с историей Коммунистической партии, созданной гениальным вождем и учителем трудящихся В. И. Лениным. Во всей своей деятельности Сталин неуклонно шел по ленинскому пути. Он говорил о себе: «Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником». Он был неутомимым помощником Ленина в борьбе за создание и укрепление Коммунистической партии, за подготовку и проведение Октябрьской революции, за строительство первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Наша партия, руководимая Центральным Комитетом во главе с И. В. Сталиным, одержала великие победы в борьбе за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, за претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в СССР.

В 1936 году, в докладе на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР, И. В. Сталин, подводя итоги борьбы и побед советского народа, говорил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей фазой коммунизма».

Это означало, что Советский Союз вступил в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Перед трудящимися нашей Родины открылись новые замечательные перспективы в борьбе за развитие и укрепление социалистического строя, за неуклонное повышение материального и культурного уровня народных масс.

Мирный труд советского народа был временно прерван вероломным нападением на СССР гитлеровской Германии. Окончив победоносно войну, советские люди вновь приступили к мирному строительству и добились огромных успехов. Ныне по уровню производства наша промышленность превышает довоенный период более чем в три раза. То, что производилось в 1920 году за целый год, производится в 1955 году: электроэнергия — за одни сутки, чугуна — за полтора суток, угля — за восемь суток, нефти — за двадцать суток.

Волею Коммунистической партии и советского народа наша страна стала могучей индустриально-колхозной социалистической державой.

Партия наметила и осуществляет величественную программу коммунистического строительства. Досрочно выполнен пятый пятилетний план развития СССР, являющийся новым крупным шагом советского народа вперед, по пути к коммунизму.

За последние годы Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли целый ряд важнейших постановлений, определивших главные задачи в развитии народного хозяйства. Июльский Пленум Центрального Комитета КПСС вскрыл основные недостатки, которые мешают быстрее двигаться вперед нашей социалистической промышленности. Пленум ЦК указал на необходимость всемерного обеспечения технического прогресса и лучшей организации производства и труда. Партия учит, что только при быстром и широком внедрении новейших достижений отечественной и мировой науки и техники мы сможем достигнуть той высшей по сравнению с капитализмом производительности труда, которая необходима для победы коммунизма.

Центральный Комитет партии на своих Пленумах — сентябрьском 1953 года, февральско-мартовском 1954 года и январском 1955 года — подверг критике недостатки в развитии сельского хозяйства и принял ряд решений, направленных на крутой подъем сельскохозяйственного производства.

Наша партия исходит из того, что лишь на базе высокопроизводительного сельского хозяйства, опирающегося на передовую технику, возможно создать достаток, а затем изобилие продовольствия для населения и сырья для легкой

промышленности. Задача состоит прежде всего в том, чтобы резко повысить производство зерна в стране, собирать не менее 10 миллиардов пудов в год и увеличить производство основных продуктов животноводства в два — два с лишним раза.

Наше славное колхозное крестьянство, работники МТС и совхозов настойчиво борются за выполнение этой задачи. Уже в 1955 году посевная площадь в СССР по сравнению с 1950 годом выросла на 27 процентов. При этом освоено более 30 миллионов гектаров целинных земель. По сравнению с 1954 годом увеличилась более чем в четыре раза посевная площадь под кукурузой, весьма ценной зерновой культурой.

Сбор урожая в целом по стране, несмотря на неблагоприятные климатические условия в ряде районов, в особенности в Казахстане, ныне более высокий, чем в прошлом году. Больше в этом году заготовлено хлеба. Растет также и животноводство.

Но партия учит нас не успокаиваться на достигнутых успехах. Нынешний уровень сельского хозяйства еще не вполне удовлетворяет растущие потребности в продовольствии и сырье. Между тем у нас есть все возможности в короткий срок резко повысить урожайность зерновых и технических культур, подтянуть все колхозы и совхозы до уровня передовых.

Советское государство и Коммунистическая партия оказывают большую помощь колхозной деревне и технике и людьми. Только за девять месяцев этого года сельское хозяйство получило 165 тысяч тракторов [в 15-кратном исчислении], 86 тысяч грузовых автомобилей, 32 тысячи зерновых комбайнов и много других машин. Партия послала в колхозы, МТС и совхозы десятки тысяч специалистов и организаторов сельскохозяйственного производства. Главное теперь состоит в том, чтобы колхозники, работники МТС и совхозов отдали все силы на выполнение решений партии.

Партия призывает тружеников сельского хозяйства повышать производительность труда, укреплять трудовую дисциплину, изучать и широко внедрять в производство достижения науки и передового опыта, обеспечить всемерное развитие и дальнейшее укрепление общественного хозяйства колхозов, рост колхозных доходов. Как тут не вспомнить замечательные слова И. В. Сталина, обращенные к колхозникам еще в 1933 году: «Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь только одно — работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность!»

Предметом особой заботы партии является рост культуры трудящихся города и деревни, повышение их идейного и политического уровня. Партия ставит своей задачей, как указывал Сталин, сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными людьми. Партия неустанно развивает в массах высокое сознание общественного долга, воспитывает у советских людей уверенность в победе нашего дела, умение преодолевать любые трудности.

Для обеспечения успешной созидательной деятельности советского народа огромное значение имеет внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства — незыблемая политика борьбы за мир и безопасность народов. Эта политика исходит из ленинского указания о возможности длительного мирного сосуществования государств с различным общественным и политическим строем.

Коммунистическая партия считает своим священным долгом укрепление сил великого международного лагеря социализма и демократии, укрепление вечной братской дружбы советского народа с китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии. Нас объединяют с народно-демократическими странами общие задачи и цели в борьбе за социализм и коммунизм, за мир и дружбу между народами.

Народы Советского Союза единодушно поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства. В условиях все возрастающей трудовой и политической активности трудящихся проходит подготовка к XX съезду КПСС.

Под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под испытанным руководством Коммунистической партии советский народ уверенно идет к победе коммунизма.

В честь XX съезда КПСС

С каждым днем ширится социалистическое соревнование в честь XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Один за другим рапортуяют заводы и фабрики о досрочном выполнении плана этого года. Тысячи тонн чугуна, стали, десятки тысяч метров различных тканей дают рабочие сверх плановых заданий.

Колхозники, рабочие МТС и совхозов берут на себя обязательства повысить продуктивность животноводства, хорошо отремонтировать тракторы и другие сельскохозяйственные машины, чтобы во всеоружии встретить весну, дать стране в будущем году еще больше хлеба, овощей, молока, мяса и других продуктов.

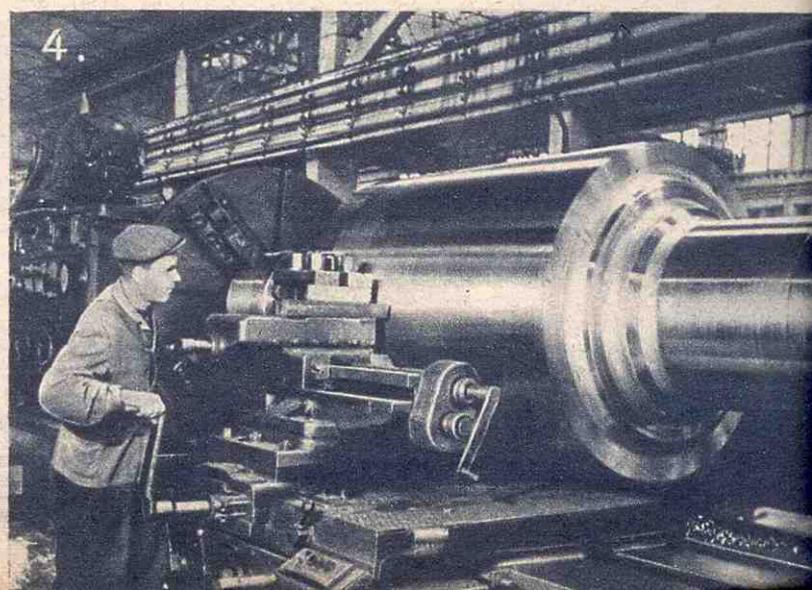
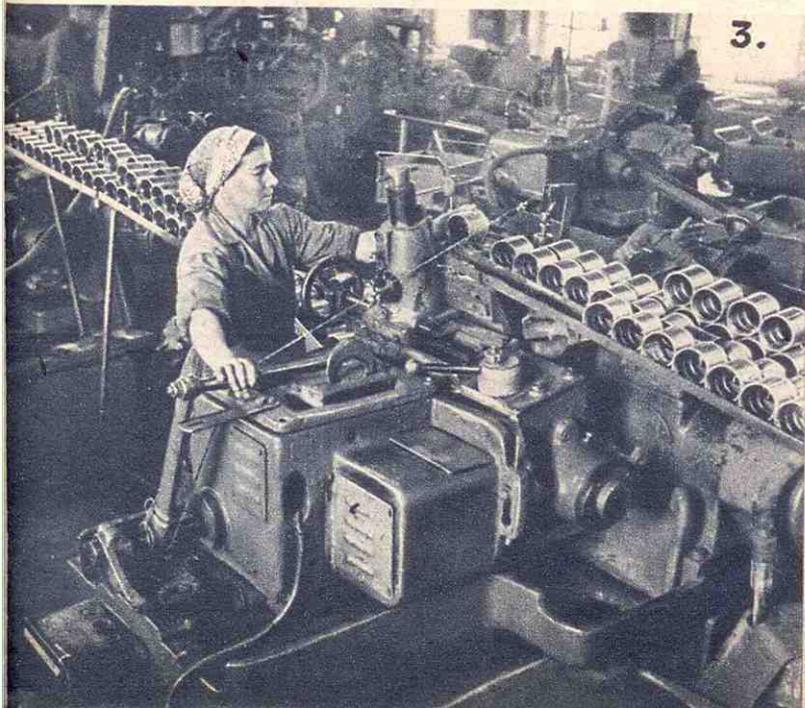
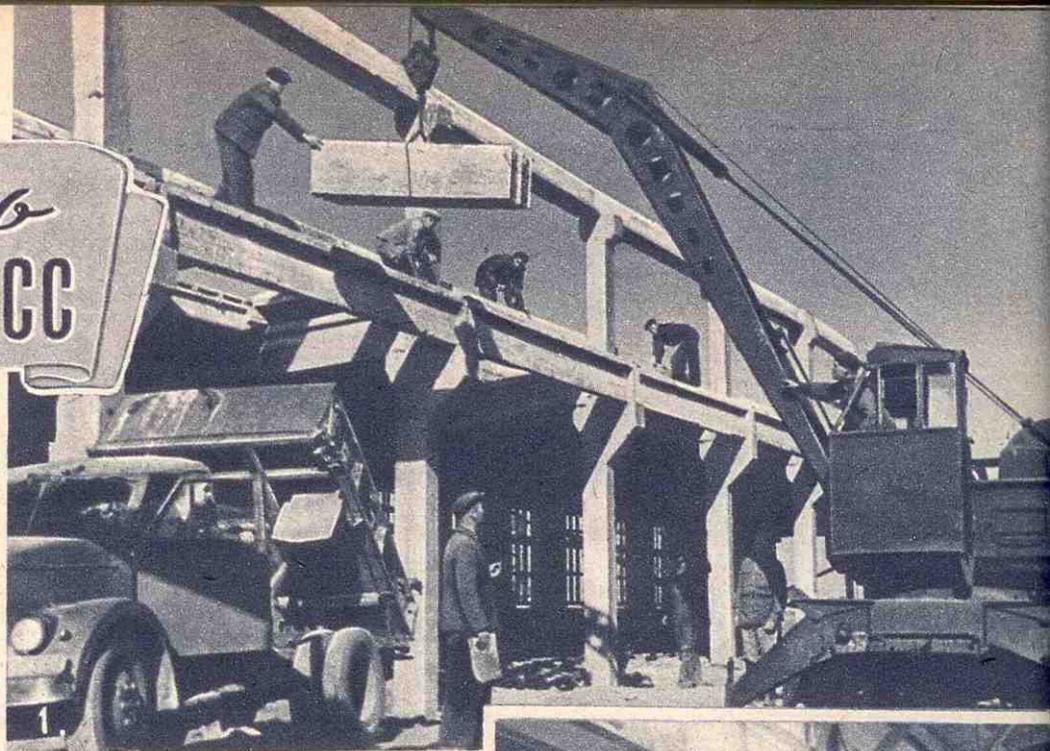
1. Кировоградская область. В Компанеевском районе строится новая типовая усадьба Лозоватской МТС. Уже построены восьмиквартирный и двухквартирные жилые дома, тепловая станция и водонапорная башня. На строительстве МТС основные трудоемкие работы механизированы, широко применяются железобетонные конструкции.

2. Винницкая область. Коллектив механизаторов Стрижавской МТС Винницкого района, включившись в социалистическое соревнование за достойную встречу XX съезда КПСС, обязался к 1 января 1956 года отремонтировать весь тракторный парк. Ремонт ведется поточно-узловым методом.

3. Чкаловская область. Коллектив завода «Автозапчасть» досрочно завершил пятилетний план и до конца года обязался дополнительно дать на 42,5 миллиона рублей продукции. Производительность труда на заводе по сравнению с 1950 годом возросла за счет механизации производственных процессов на 96,5 процента. Хорошо работает в механическом цехе № 4 шлифовщица А. Дежурнова. На шлифовке втулок она выполняет по полторы нормы.

4. Сталинская область. В дни трудовой вахты в честь XX съезда КПСС токарь НовоКраматорского завода имени Сталина Николай Коляда завершил выполнение плана этого года. Двенадцать годовых норм выполнил Николай Коляда с начала пятой пятилетки.

Фото Г. Верушкина, Е. Копыта, Б. Клипиницера и С. Гендельмана (ТАСС).

Д О В Е Р И Е

Тамара КВИТКО

Фото Евгении Оцуп.

— Опять, видно, камеру проколото! — Татьяна Фотеевна соскакивает с велосипеда и озабоченно щупает шину. — Так и есть! Теперь изволь шагать несколько километров к ферме да еще тащи машину. А дел сегодня — хоть надвое разделись!

Мимо, вздымая пыль, мчится грузовик. В грузовике полно женщин. Уселись на туго набитые мешки, и нипочем им ни встречный ветер, ни тряская, изрядно разбитая дорога. В центре расположилась доярка Любовь Ломакина. Она рассказывает что-то, должно быть, очень смешное. Женщины дружно хохочут.

— На мельницу? — кричит вдогонку Татьяна Фотеевна.

— На мельницу! — отвечают ей с машины.

— Доброго помола!

— Спасибо!.. Приходи, Фотеевна, пироги есть!

Татьяна Фотеевна, улыбаясь, глядит им вслед. Веселые какие! На сердце легко, потому и весело им. С хлебом люди встречают зиму!

А солнце припекает, словно и не к зиме. Татьяна Фотеевна снимает с головы платок, распаивает пальто. Она идет, придерживая велосипед, и думает о том, что хорошо бы в воскресенье съездить с ребятами в гости к бабушке, давно об этом просят, но ведь до бабушкиного села добрых пятнадцать километров; думает, что сейчас, как только она придет на ферму, надо будет первым делом взглянуть на Снежинку: корова вчера плохо ела; и обязательно надо подтянуть кладовщика: халаты у доярок изнасились, а замены нет.

Она старается думать о разном, чтобы меньше думалось о главном. Только как уйдешь от мысли об этом главном, когда оно все заслоняет? Нынче отчетно-выборное собрание членов партийной организации колхоза — большой день в твоей жизни, Татьяна. На многие вопросы ответит это собрание. Как работало партийное бюро, а прежде всего ты, его секретарь? Оправдываешь ли доверие людей, достаточно ли знаешь и умеешь, чтобы делиться с ними знаниями и умением, а проще говоря, чего ты стоишь как коммунистка и как колхозный специалист?

До фермы еще далеконочко. Вот так шагать — припомнишь, пожалуй, всю жизнь. А жизнь шла не прямоком, не как эта дорога. Татьяна Фотеевна вздыхает. Все получилось бы иначе, не приглянись военный человек. Приглянулся, поженились — и началось кочевье: то один город, то другой, то третий... Работала педагогом в начальной школе. А где-то на дне чемодана покрывался желтизной диплом, выданный Дубовским зооветеринарным техникумом. Училась, училась, а выходило, что ни к чему была эта учеба. Даром, Татьяна Макарихина, потрачено на тебя государство!

Погожей осенью она приехала домой, в Михай-

ловский район, где прошло ее детство. Военная служба мужа закончилась, теперь можно было осесть. А газеты только что сообщили о сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. Она взволнованно перечитывала строки постановления Пленума, по привычке, укоренившейся за годы работы в школе, подчеркивая наиболее важное. И — впервые за много лет! — она подумала не о том, что впустую училась в техникуме, а о том, что обязана вспомнить все, чему ее там учили.

— Очень нужен зоотехник в колхозе «Страна Советов», — сообщили ей в райкоме партии. — Но говорим прямо: хуже этого колхоза у нас в районе не найти. А уж с животноводством там и вовсе беда.

Может быть, следовало ответить: этот орешек не по моим зубам, ведь у меня никакого опыта. Такой ответ, казалось бы, подсказывал здравый смысл.

— Пошлите меня туда. Попробую что-нибудь сделать, — ответила она.

Навсегда запомнятся эти первые дни в колхозе. Каждый раз, когда она приходила на какую-нибудь из ферм, ее охватывало чувство негодования: и откуда только взялись эти горе-руководители, что довели хозяйство до такого развала? На фуражную корову за год получено в среднем всего по 816 литров молока. Да и что дивиться, если при 130 коровах шесть доярок. А телята! На них страшно смотреть: истощены донельзя, и каждый день падеж.

Ну, с чего начинать? Учинить, что ли, скандал председателю колхоза? Да бываете ли вы на фермах, товарищ Дьяков?

Скандал она учинила, но что с того пользы? Дала лишь волю гневу. Нет, от Дьякова толку не добьешься. Иди, Татьяна, к дояркам, телятницам, свиноводкам, овцоведам. С ними тебе работать.

Она собирала их — доярок, телятниц, свиноводов, овцеводов. Слушали ее недоверчиво. Ну что ты, Фотеевна, сказки рассказываешь! Может, оно и записано в постановлении насчет дополнительной оплаты за большой надой и большой привес, может,

«Все силы на своевременную подвозку кормов к фермам!» — призывает стенная газета.

в ином каком колхозе и начисляют за хорошую работу, а у нас этого никогда не было и не будет.

— Будет! Потому будет, что все в наших руках, надо только не пожалеть их сейчас, руки.

Они не верили, но они хотели верить, и им было по душе, что сама-то Фотеевна своих рук не жалеет. Образованная, а никакой работой не гнушается. Надо — доит, надо — и в ночное идет, хоть это вовсе не по ее должности. Некоторым, правда, не нравились порядки, какие вводил зоотехник. Зачем соблюдать какие-то рационы, готовить для телят санные отвары? Приходилось терпеливо разъяснять, к чему и зачем. А через некоторое время женщины на фермах уважительно говорили: по-научному оно и впрямь лучше!

Прибавилось доярок, телятниц. «Уговорила-таки Фотеевна», — поясняли новоиспеченные доярки и телятницы. А ведь прежде они и слушать не хотели о работе на ферме!

Прибавилось и пастухов, семеро колхозников звались чабанить. Фотеевна сумела убедить их, как важен труд пастуха. Но, пожалуй, сильнее уговоров было иное: пусть еще незначительны были улучшения на фермах, но люди не могли не заметить этих улучшений.

А через некоторое время появился в колхозе новый председатель: колхозники выбрали вместо Дьякова агронома Александра Михайловича Шибитова — знающего, серьезного человека. Пришел Шибитов месяца через полтора после того, как Татьяну Фотеевну Макарихину избрали секретарем партийной организации колхоза. Избрали, не послушав ее доводов, что она молодой коммунист, что работы у нее на фермах по горло, да и семейство большое: четверо детей. «Ничего, поможем», — сказали ей.

Позади что-то оглушительно тарыхтит. Татьяна Фотеевна оглядывается: мотоцикл. Уж не Быков ли это, Виктор Васильевич? Он самый! Куда это мчится спозаранку зональный инструктор райкома партии?

Быков останавливает мотоцикл.

— Здравствуйте, Татьяна Фотеевна! Опять велосипед подвел? Купили бы мотоциклет, вроде моего. Идеальная машина. Особенно для секретаря партийной организации: помогает держать связь с массами! — шутя, добавляет он.

— Да ведь я последний день в секретарях.

— Так ли? А мне кажется, коммунисты иначе считают.

Быков сходит с машины и выключает мотор.

— Коммунисты — они, брат, зоркий народ. Убедились — не болтуна, дельного человека выбрали секретарем... Все учтено. И то, что надой на фуражную корову увеличился за год на 526 литров. Так, кажется? И то, что на фермах получают теперь дополнительную оплату за повышение продуктивности животноводства. И то, что сена, концентратов и сочных кормов запасено не в пример прошлым годам. Знают, чья забота. Недаром с такой охотой приняли вас членом колхоза. И еще нравится колхозникам, что вы в дела, в жизнь их вникаете. А как

По дороге на ферму Татьяна Фотеевна встретилась с инструктором райкома партии Быковым.

сейчас партийные собрания проходят, сколько полезного предлагают на каждом собрании коммунисты! Теперь им самим удивительно, как это они могли мириться с плохой работой колхоза, терпеть негодных руководителей. Некоторые, правда, морщатся: того по почину Татьяны Фотеевны Макарихиной критиковали за любовь к чарке, другого — за грубость, третьего — за то, что учиться не хочет. Но ничего, придет время, и эти люди будут вам благодарны.

— Какие уж там мои заслуги!.. Коммунисты у нас есть замечательные, оттого и дело на лад пошло. Помните, как трудно приходилось на окоте? Рук не хватало принимать ягнят, ухаживать за матками.

1 200 литров молока за перевыполнение плана надоя в 1955 году заработала дополнительно к трудовым дням доярка Прасковья Максимовна Ковалева. 342 литра получила она сегодня.

И вдруг приходит Анна Тимофеевна Коваленко, бригадир табаководов. «Дай-ка,— говорит,— Татьяна, халат да покажи, что делать». Словно у нее своих забот мало. Или плотник Инченко Николай Петрович. Старик, а работает лучше иных молодых да еще посмеивается над ними: что, мол, отстаете? А Котова Мария Яковлевна? Тоже ведь в годах, могла бы и отдохнуть. А попробуй скажи ей о том. «Что ты, милая,— отвечает,— да мне партийная моя совесть покоя не даст, если дома сидеть!» Такие люди — сила!

— Сила, верно,— негромко говорит Быков.— Но силу эту надо было умеючи направить. Так-то! — Он смотрит на часы.— Однако мы заговорились, пора и в путь. Вечером встретимся на собрании!

Быков садится на мотоцикл и в несколько секунд скрывается где-то за лесной полосой. Татьяна Фотеевна прибавляет шаг. У развилки ее нагоняет Никулин, заведующий молочно-товарной фермой.

— К нам? — спрашивает он, здороваясь.

— К вам. Силосную траншею успели вчера закрыть, Иван Иванович?

— Успели... Тракторист, правда, чуть не подвел. Надо трамбовать, а он, молодозелено, заартачился. Хватит, мол, сегодня, я на вечерку зван... Так Анна Чекунова такую вечерку ему прописала—долго запомнит!

Татьяна Фотеевна усмехается. Анна Чекунова! А давно ли эта самая Анна заявляла: «Нет, уж ты, Фотеевна, не уговаривай. Сказано уйду — и уйду! Ищи других дур на ферме работать».

— Ну, а ремонтные дела как? Без перемен?

— Да все так же. Ни шатко, ни валко...

— Эх, спокойный характер у тебя, Иван Иванович!

— Спокойный, спокойный! — взрывается Никулин.— Мне-то приятно, думаешь, что пол в коров-

нике не настлан? А где у меня лес на тот пол, скажи? Взял бы председателя за грудки, да что пользы, когда нет леса в колхозе!

— Что пользы? Ты — председателя, председатель — районное начальство. Глядишь, сообща и вытрясете лес. Ладно, вместе отправимся сегодня к Шибитову. С ремонтом нельзя дальше тянуть.

Но к председателю отправляться не надо. Его «Победа» уже здесь, на ферме. Шибитов стоит, окруженный доярками и телятницами. Те, кажется, уже дали ему «жару» и за «несменяемые» халаты, и за тесноту в старом телятнике, и за тот же пол, что все еще не настлан в коровнике.

— Дайте срок, все сделаю, товарищи женщины! — уверяет Шибитов.— Только не ешьте поедом!

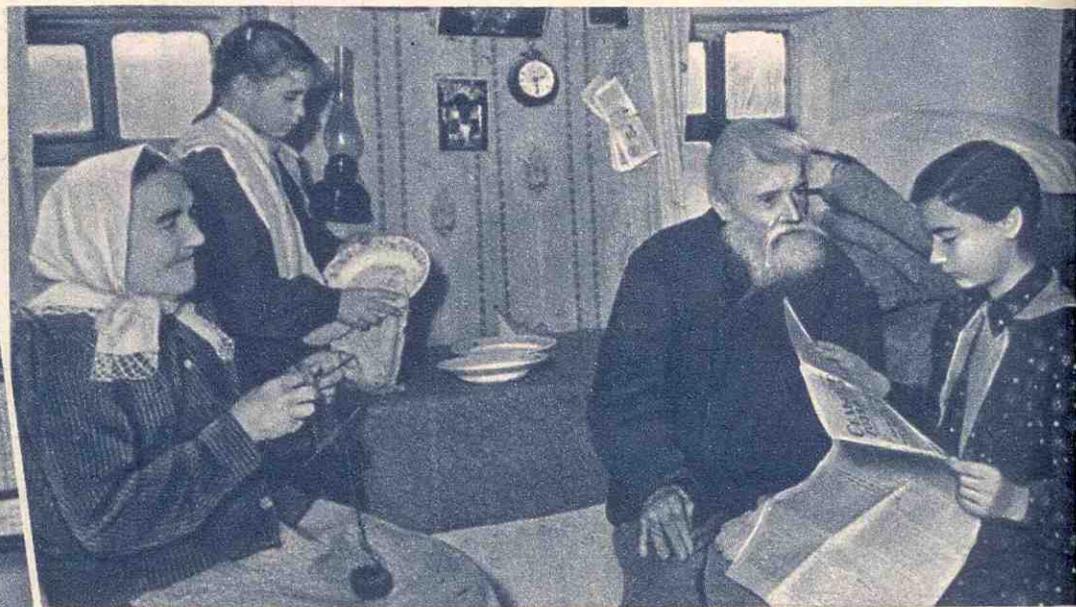
— А с вами, с начальством, иначе и нельзя. Гляди же, Александр Михайлович, мы тебе верим, так не подведи.

Потом Шибитова ведут взглянуть на Вьюна, племенного быка, которого только вчера доставили в колхоз, а Татьяна Фотеевна спешит к Снежинке.

— Обошлось все! Ест, пьет и доилась хорошо,— певуче говорит доярка Снежинки Прасковья Максимовна Ковалева.— Даром страху нагнала на нас... А я тебе, Татьяна, чего-то сказать хочу... Не знаю только, как рассудишь.— Она отводит Татьяну Фотеевну в сторону, словно Снежинка может подслушать ее секрет, и шепчет:

— Какая у меня думка зародилась... Хочу нашим женщинам объявить, что вот я, Прасковья Ковалева, собираюсь надоить от фуражной коровы по 2 300 литров молока и какое, мол, будет от вас обязательство, дорогие товарки? Да, видишь ли, бо-язно. А ну как не возьму столько? Сраму тогда не оберешься.

— Это по прежней мерке много,— успокаивает ее Макарихина,— а по нынешней — самый раз.

Писнеры местной школы шефствуют над престарелыми колхозниками: несут им воду, колют дрова, ходят в магазин и т. д. Сегодня Лида Дородникова и Рая Попова пришли навестить Наталию Борисовну и Федора Петровича Клецковых.

Бригадир табаководов Анна Тимофеевна Коваленко — агитатор. Она тщательно готовится к очередной беседе с колхозниками прикрепленной к ней десятидворки.

И не бойся. Как поправим коров уходом да кормом, и по три — четыре тысячи литров будем надаивать! В полдень Татьяна Фотеевна и Шибитов отправляются на дальнее поле посмотреть, как идет ломка кукурузы.

— Ох, всыплют нам сегодня коммунисты! — говорит Татьяна Фотеевна, рассеянно глядя в окно автомашины. — Сколько у нас недочетов, недоделанного!..

— Всыплют! — соглашается Шибитов. — Что же, умнее будем. А недоделанного у нас уйма. Очень теснота вяжет, особенно в твоём хозяйстве, Татьяна Фотеевна. Сейчас главное — строиться и строиться. Ничего, пойдет и это. В нынешнем году взяли дохода полтора миллиона рублей, вчетверо больше прошлогодного, а в будущем году два с половиной возьмем. Я, знаешь, что надумал? Лен надо сеять. Доходнейшая культура!

— Чур, не за счет кукурузы!

— Кукуруза — это само собой. И кукуруза и просо. Как у нас просо хорошо пошло! А помнишь, говорили: просо сеять — семена гноить. И гноили, что ни год, в холодном грунте. Потому что из района, из области требовали: быстрее рапортуйте об окончании сева! А посеяли, когда положено, — и взяли урожай. Нынче под просо не меньше чем 1 700 гектаров запланируем.

— А подсолнечник, а бахчевые?

— И для них места хватит! Я полагаю, что через год будут у нас и новые животноводческие помещения, и новые жилые дома, и своя электростанция...

— Глядите, Александр Михайлович, электроэнергию прежде всего на животноводство!

— Не обойдем!..

— Меня что радует: людей у нас больше стало...

— Да, те, кто в свое время ушел из колхоза, потянулись обратно. Хороший трудодень — лучший агитатор! — смеется Шибитов. — За месяц — другой тридцать пять семейств прибыло. И еще едут.

Бежит по дороге запыленная легковая автомашина. Сидят в автомашине двое. Рисуют себе завтрашний день, мечтают. Нет, не мечтают — трезво рассчитывают!

Вечером собираются коммунисты. Идет большой разговор. Меньше всего касаются в этом разговоре достигнутого: не к чему тешить себя похвальбой. Надо выяснить, что не сделано, что делается плохо, что мешает идти вперед. Досталось всем членам партбюро, а больше всех Татьяне Фотеевне: лучше, товарищ секретарь, следовало руководить агитаторами, энергичнее помогать комсомолу, не забывать, что если принято решение, нужно потом проверить, как же оно выполнено. И с культурно-просветительной работой в колхозе не ахти как.

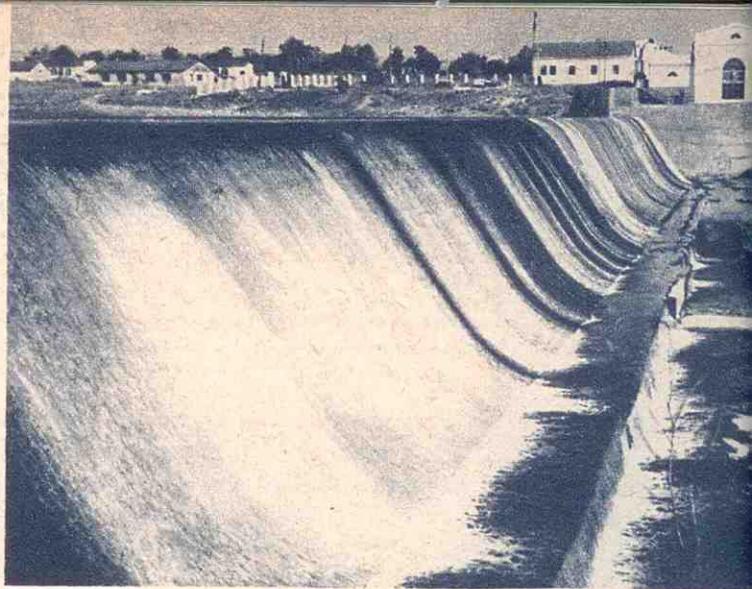
«Сколько важных дел упустила! — думает Татьяна Фотеевна. — Моя вина!.. Надо, чтобы новый секретарь учел все это».

Но нет, не хотят коммунисты другого секретаря.

...Собрание заканчивается далеко за полночь. Быков, улыбаясь, подходит к Татьяне Фотеевне.

— Ну, убедились теперь, что коммунисты умеют разбираться в людях?

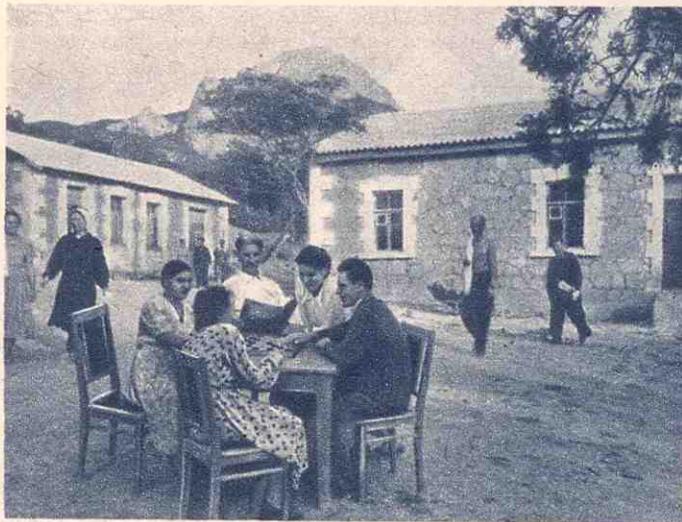
Михайловский район,
Сталинградская область.

КОЛХОЗНЫЕ НОВОСТИ

Фото Г. Верушкина, Г. Бородина и М. Редькина (ТАСС).

Вблизи Ново-Архангельска, Кировоградской области, на реке Синюхе, вступила в строй межколхозная гидроэлектростанция, давшая ток восьми колхозам. Это шестая межколхозная ГЭС, построенная в области за годы пятой пятилетки.

В урочище Нижние Ласпи, Крымской области, открыт межколхозный дом отдыха. Сюда приехала первая группа колхозников из Балаклавского района.

В час досуга на зимних пастбищах колхоза имени Карла Маркса, Астраханской области.

Работаем по-новому

А. ТРОФИМОВА,
доярка колхоза «Огородник»

Я РАБОТАЮ дояркой. За мной закреплено 10 коров костромской породы. Трудно приходилось нам раньше. В течение суток четыре раза мы, доярки, должны были ходить на ферму: доить, кормить коров, убирать помещение. И хотя на самую работу времени тратили мы не так много, а получалось, что заняты были с утра до вечера.

А ведь еще и в своем хозяйстве дел немало, за убойкой детишек надо последить. Уж я стала подумывать: не перейти ли на другую работу? Жалко! Нравится мне мое дело, и зарабатываю неплохо.

Но однажды мы услышали, что на ферме учебного хозяйства Костромского сельскохозяйственного института введен новый, двухпромежуточный порядок работы. С четырех до восьми часов утра доярки находятся на ферме, а потом до четырех дня свободны. В четыре часа дня приходят снова на работу, а в восемь вечера их рабочий день кончается. Доят они коров тоже четыре раза в сутки, но время доения у них распределено иначе: два раза доят в первый промежуток работы, два раза — во второй.

Решили наши доярки поговорить с председателем. Выслушал он нас и сказал:

— Приглашу директора учебного хозяйства Жолниренко. Приедет, расскажет, а вы уж сами решите, хорош или нет их порядок.

Через несколько дней приехал к нам Аркадий Михайлович Жолниренко и сделал доклад. Оказалось, молочное хозяйство института работает по-новому уже целый год. Их доярки заняты на ферме ежедневно лишь по 8 часов. И надои молока за этот год не только не снизились, а прибавились по 700 литров в среднем на каждую корову. Как назвал Аркадий Михайлович эту цифру, шумок пошел по собранию, посыпались вопросы:

— Не от одного же нового распорядка надои поднялись, наверно, рационы кормления увеличили?

— В прошлом году мы на каждую фуражную корову дали кормовых единиц всего на три с половиной процента больше, чем в предыдущем, — ответил Жолниренко. — В повышении надоя большую роль сыграл именно новый порядок работы.

Раньше считали, — продолжал он, — что корова лучше всего отдает молоко в том случае, когда промежутки между доением одинаковые. Думали также, что чем чаще доить коров, тем больше будут они давать молока. С таким расчетом и строился распорядок рабочего дня на фермах. А между

тем распорядок этот для доярок очень обременителен, привязывает их к ферме на весь день. И мы решили заставить животных приспособиться к нашим потребностям и интересам. Правда, в первые дни работы по-новому животные проявляли некоторое беспокойство. Было и незначительное снижение удоев. Но через неделю удои начали неуклонно повышаться. За год, например, корова Нежданка прибавила более тысячи литров молока, а есть такие, что прибавили еще больше.

— Почему же поднялась продуктивность стада? — спросили наши доярки.

— Ученые объясняют это тем, — сказал Жолниренко, — что при заведенном нами порядке животное в течение шестнадцати часов в сутки бывает совершенно спокойно. Ничто не тревожит и не раздражает его. Оно без помехи переваривает пищу и вырабатывает молоко. И дояркам по новому режиму работать легче. Они лучше ухаживают за коровами.

Обсудив доклад Жолниренко, мы тоже решили перестроить распорядок дня на своей ферме, и вот уже третий год работаем по-новому.

Мы, доярки, приходим на ферму в четыре часа утра и до восьми часов дважды доим коров: в четыре и в половине восьмого; кормим их, чистим, меняем подстилку. Во второе доение коровы дают молока вдвое меньше, чем в первое. Поэтому не так устаешь, выдаиваешь корову до конца. С восьми часов утра и до четырех часов дня мы свободны. Детишек в школу отправишь, управишься по дому, отдохнешь.

В четыре часа дня опять приходим, снова два доения с таким же промежутком, кормление, уборка. И в восемь вечера уходим домой. Проверишь, как дети сделали уроки, радио послушаешь. Есть время и в кино сходить и газету почитать.

Теперь женщины охотно идут работать в животноводство.

Один только есть у нас нерешенный вопрос. Летом наш порядок нарушается. Если утром — с четырех до восьми часов — можно провести два «уплотненных» доения, то в четыре часа дня доить нельзя: в эти часы, после спада полуденной жары, самая пастьба. Поэтому летом мы доим коров три раза: утром, в полдень и вечером. И опять убедились в том, что от уменьшения количества доений удои не снижается. От каждой коровы мы надаиваем в среднем более 3 300 литров молока.

Костромской район,
Костромская область.

НА БАРИКАДЕ.

С картины И. Владимирова.
Центральный музей В. И. Ленина.

«УТРО». Доярки колхоза «Новая жизнь», Новосибирской области, Мария Васильевна Трошина (слева) и Нина Артемьевна Фелишова обмениваются новостями.
Цветное фото А. Становова.

Первая народная революция в России

В ЭТОМ году советский народ отмечает пятидесятилетие русской революции 1905—1907 годов.

Тяжело жилось в те годы рабочим и крестьянам. Капиталисты, которым принадлежали фабрики и заводы, принуждали рабочих трудиться по 13—14 часов в день, бесчисленные штрафы снижали и без того нищенскую оплату труда. За малейшее выступление против хозяев — фабрикантов и заводчиков — рабочих выгоняли с фабрик, заносили в черные списки, чтобы нигде их не принимали на работу. Рабочие страдали не только от каторжного труда, но и от бесправия. Не лучше жилось и крестьянам. Они целиком зависели от помещика, земского начальника, урядника. Большая часть земель тогда принадлежала помещикам. Основная масса крестьян владела небольшими клочками земли, которые не могли прокормить их. Частые неурожай вели к разорению и вымиранию тысяч крестьянских семейств.

Народы, населяющие окраины страны, страдали еще и от национального гнета. Царизм душил культуру этих народов, запрещал обучение в школах на родном языке.

Все это вызывало огромное недовольство в народе. Приближался конец его терпению.

Начало революции ускорила война между царской Россией и Японией. Эта война принесла рабочим и крестьянам новые бедствия, сотни тысяч русских солдат были убиты и искалечены. Война показала всю гнилость царизма, его неспособность управлять страной.

Но рабочие и крестьяне еще продолжали верить в царя. Им казалось, что стоит только царю узнать правду о том, как плохо живет народ, и он поможет. Поэтому и удалось провокатору попу Гапону организовать шествие петербургских рабочих с портретами царя, хоругвями, иконами к Зимнему дворцу, чтобы вручить лично царю прошение от рабочих.

Большевики пытались доказать рабочим, что шествие к царю ничего не даст, что царь — самый крупный помещик в стране, что интересы капиталистов и помещиков — это его интересы. Но поколебать веру рабочих в царя было тогда еще невозможно. 9 (22) января сотни тысяч петербургских рабочих пошли к Зимнему дворцу. По приказу царя рабочие были встречены выстрелами солдат, нагайками и саблями казаков и полицейских. Более тысячи рабочих было убито в тот день на улицах столицы и более двух тысяч ранено.

Ружейные залпы царских войск развеяли веру рабочих в царя. В тот же день на улицах Петербурга рабочие начали строить баррикады.

Расстрел рабочих в Петербурге вызвал возмущение во всех уголках страны. В знак солидарности с петербургскими рабочими повсеместно происходили забастовки. Только в январе 1905 года бастовало

440 тысяч рабочих, то есть больше, чем за все предыдущее десятилетие.

В России началась народная революция.

Борьба рабочих пробудила и широкие крестьянские массы. Уже с весны 1905 года сотни тысяч крестьян поднялись на борьбу с помещиками за землю. В июне восстание подняли моряки на броненосце «Потемкин», одном из крупнейших кораблей Черноморского флота.

На Третьем съезде партии, проходившем в Лондоне в апреле 1905 года, большевики выработали свою тактическую линию в революции, сформулировали основные лозунги, в которых отразили жизненные интересы рабочих и крестьян России. Большевики требовали свержения царя и организации демократической республики, передачи всей земли помещиков в руки крестьян, установления на фабриках и заводах восьмичасового рабочего дня. Меншевики, которые в тот период были еще в одной партии с большевиками, на съезд не явились и создали особую конференцию в Женеве, в решениях которой главная роль в революции отводилась буржуазии.

Большевики указывали, что демократическую революцию в стране могут осуществить только рабочие и действующие под их руководством многомиллионные массы крестьянства. Они предостерегали, что в этой революции на буржуазию надеяться нельзя, что за спиной народа и за его счет она будет пытаться сторговаться с царем и его правительством. Большевики считали, что победа революции может быть достигнута только в результате вооруженного восстания рабочих и крестьян против царского правительства, поэтому главное внимание должно быть уделено подготовке вооруженного восстания.

Однако подготовить и провести всенародное восстание было делом нелегким. Трудно было поднять сразу на восстание всех рабочих и всех крестьян или хотя бы значительную часть их. Большинство солдат продолжало верно служить царю и защищать царское правительство, выступало с оружием в руках против рабочих и крестьян. Ведь народные массы только начали пробуждаться, не было еще необходимого опыта борьбы, не было прочного союза между рабочими и крестьянами. Крестьяне, которые видели своего врага в помещике, продолжали верить в царя. Рабочие тоже не были достаточно сплочены, разлад в их ряды вносили меньшевики, которые не верили в победу революции, выступали против вооруженного восстания.

Однако, несмотря на сложную обстановку, в которой развертывалась первая народная революция в России, все большие массы рабочих, крестьян, солдат и матросов поднимались на борьбу против царского правительства. Если весной 1905 года выступали главным образом квалифицированные ра-

бочие-металлисты, то уже летом вовлекаются в забастовочное движение наиболее многочисленные в то время отряды рабочих — текстильщики. В Иваново-Вознесенске, Костроме и некоторых других городах рабочие для руководства забастовкой создали Советы рабочих депутатов, возглавлявшие на протяжении длительного времени борьбу десятков тысяч рабочих.

Рабочие стачки привели в движение самые отсталые слои угнетенных крестьян, солдат и матросов.

Весной 1905 года крестьянское движение было только в зачатке, им была охвачена одна седьмая часть уездов России. К осени крестьянское революционное движение разрослось и охватило уже более одной трети уездов. В ряде мест были созданы революционные крестьянские комитеты, возглавлявшие движение. Активное участие в них принимали и женщины-крестьянки.

Возрастало число восстаний в армии и флоте.

Царское правительство, напуганное размахом революционной борьбы, решило сманеврировать и 6 (19) августа объявило о созыве совещательной думы при царе. Созыв такой думы должен был, по замыслу царя и его правительства, приостановить или хотя бы ослабить развитие революции. Но большинство рабочих и крестьян лишалось права выборов в эту думу. Большевики призвали к бойкоту думы, и революционные вихри, а прежде всего октябрьская всероссийская политическая стачка, смели ее. Всеобщая политическая стачка в октябре охватила свыше миллиона рабочих. Остановились фабрики, заводы, железные дороги. Теперь уже во многих промышленных центрах страны организовались Советы рабочих депутатов. Рабочие явочным порядком завоевали свободу печати, устранили

царскую цензуру. Всюду проводились многолюдные митинги, собрания. Рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня. Перепуганный царь издал 17 октября новый манифест; в нем он обещал установить политические свободы, созвать законодательную думу, значительно расширить избирательное право. Этот манифест, как и первый, был издан для обмана народа.

Именно так оценили этот «дар» царя большевики.

События последующих дней подтвердили эту оценку. Царское правительство, опираясь на наиболее реакционные силы, организовало по всей стране выступления черносотенцев, погромы. Оно и не думало на деле осуществлять свои обещания народу, а перешло к еще более ожесточенному преследованию революционеров, к расправе с ними.

В ноябре 1905 года в Петербург из эмиграции возвратился В. И. Ленин. С первых дней революции Ленин пристально следил за развитием революционной борьбы в России. В газете «Вперед», а затем в «Пролетарии» и в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь», издававшейся в Петербурге, В. И. Ленин поместил ряд важных статей. В них он раскрывал линию большевиков в революции, показывал рабочим и крестьянам цели, задачи и методы революционной борьбы. Ленин разъяснял рабочим, что главная задача дня — это вооружение, подготовка вооруженного восстания.

Все развитие первой народной революции в России толкало рабочий класс к решающему бою с царским правительством, к вооруженному восстанию. Вершиной революции явилось вооруженное восстание в декабре 1905 года. Московские рабочие,

руководимые Московским комитетом большевиков, Московским Советом рабочих депутатов, постановили на своих фабричных и заводских собраниях начать 7 декабря всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы перевести ее в вооруженное восстание. Это было единственное средство для сохранения завоеваний революции.

В ночь с 9 на 10 декабря в ответ на провокационные действия московского генерал-губернатора Дубасова, бросившего против бастующих рабочих

Всеобщая железнодорожная забастовка. Октябрь 1905 года. С картины Г. Савицкого.

Баррикады в Москве на Малой Бронной улице в дни декабрьского вооруженного восстания. (Фото из фондов Государственного музея Революции СССР.)

артиллерию, рабочие Москвы начали строить первые баррикады. А уже на следующий день улицы города покрылись сотнями баррикад, начались ожесточенные сражения между рабочими и царскими войсками. Рабочие, действуя небольшими группами, наносили врагу жестокие удары, изматывали его силы, и генерал-губернатор вынужден был запросить помощь из Петербурга.

Тысячи рабочих Москвы на окраинах города и особенно на Пресне под руководством большевиков оказывали в течение девяти дней ожесточенное сопротивление прекрасно вооруженным и численно их превосходящим отборным полкам царя. Рядом с рабочими отважно сражались женщины-работницы. Только спустя девять дней восставшие прекратили вооруженную борьбу. Рабочие Москвы потерпели поражение, так как одновременно с ними не выступили рабочие других городов и прежде всего Петербурга. Восстание рабочих не было поддержано восстанием крестьян, большинство солдат по-прежнему оставалось верным царю. Поражение московских рабочих объясняется и тем, что у руководителей восстания не было опыта руководства вооруженной борьбой, что они с первого же

Разгром помещичьей усадьбы, 1905 год. Автo-литография художников М. Ройтера и С. Снаткина.

дня восстания не повели рабочих в решительное наступление, а занимались организацией обороны.

Поражение московского вооруженного восстания, а также вооруженных восстаний в Донбассе, Харькове, Красноярске, Новороссийске и других городах, где рабочие по примеру Москвы тоже поднялись на вооруженную борьбу, дало возможность царскому правительству при помощи русской буржуазии расправиться с революцией. Но не сразу удалось сломить революционную волю народа. Еще на протяжении всего 1906 года и первой половины 1907 года рабочие и крестьяне боролись против царского правительства. В 1906 году было особенно много крестьянских выступлений, но они были разрозненными, и царское правительство с помощью многочисленных карательных отрядов потопило эти выступления в крови.

Революция 1905 года получила огромный отклик во многих уголках мира. По примеру рабочих и крестьян России на борьбу против своих угнетателей поднялись трудящиеся Китая, Турции, Ирана. Революция 1905 года всколыхнула рабочих многих стран Европы.

В самой России поражение революции было только временным отступлением. Рабочие и крестьяне в ходе ее многому научились, и последующие годы они использовали для лучшей подготовки к новым боям против царизма и капитализма.

Революция 1905 года явилась генеральной репетицией революции 1917 года, она подготовила великую армию бойцов, которая под руководством Коммунистической партии добилась победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В. ПЕНТКОВСКАЯ,
кандидат исторических наук.

Недаром лилась горячая кровь...

Фото А. Шишкина.

С ПОЖЕЛТЕВШЕЙ фотографии серьезно, почти сурово смотрят большие внимательные глаза на худеньком полудетском лице. Прасковья Ивановна Зенькович замечает мое удивление.

«Что, строга больно? На себя не похожа?» — усмехается она, и вокруг глаз ее собираются морщинки.

Но хоть и больше полувека прошло с тех пор, как фотографировалась она «с первой полочки», узнать ее нетрудно. То же простое крестьянское лицо, прямой пробор в волосах, те же глаза... Вот только голова седа, и годы оставили свой след, избородив лицо множеством мелких морщин...

— Да и как было мне не строгой быть?.. Улыбаться-то было не с чего! — тихо, как бы в раздумье, начинает свой рассказ Прасковья Ивановна.

Дочь бедного крестьянина из деревни Китенево, что под Клином, она была одной из тринадцати детей. С восьми лет узнала Паша, что такое труд на хозяев. Жила в няньках и за лето, кроме трех рублей деньгами, получала несметное количество колотушек. Порой в доме есть было совсем нечего. На пасху сывороткой разговлялись, вот бедность до чего доходила! Мать билась, как рыба об лед, начала отправлять детей на фабрики, может, думала, найдет там кто-нибудь из нас свою долю...

С тринадцати лет стала Паша «фабричной». Работала сначала на Высоковской фабрике, затем, по совету брата, поехала в Москву на Прохоровскую Трехгорную мануфактуру. Это было в 1903 году. Неграмотной и забитой была тогда Паша Давыдова.

— Стою в Москве на перроне, с места боюсь тронуться, зуб на зуб не попадает. Плохонький полушубок да яловые сапоги — вот и все мое имущество!.. Ну, определилась все же. Сняла себе койку «на вольной», записалась «на черед» на спальню казенную. Спала я на койке в коридорчике, и как, бывало, ни устанешь за двенадцать рабочих часов, а сразу не уснешь. Дрожишь от холода: полушубок-то под себя подстелешь и им же укрываешься. Как тут согреться? Лежишь и думаешь: как же быть?.. Получаю я около пяти рублей в месяц. За койку заплатить надо, за «подхарчик» в столовой не меньше полтора рублей уйдет.

А харчи известно какие. Налют на шесть чело-век в деревянную чашку щец пустых, мы и хлебаем. С чего ж тут сытой быть?.. Только когда мать из деревни приедет, купим фунт баранок — вот тебе и престольный праздник!

Работаю я год, второй, спину гну. И сама не живу, и в деревню от меня никакой помощи. Озлилась я: сколько ж можно маяться? А тут как-то раз один знакомый (погиб он потом в Сибири — политический) повел меня тайком в кружок нелегальный. На Средней Пресне в колпаковском доме в подвале снимали студенты квартиру. Там мы и собирались: книжки, брошюры нам читали.

Об этом молчала я, даже от своих коечниц тай-лась. Бывало, спросят: «Ты где это вечерами пропа-даешь? С кем-нибудь страдаешь-гуляешь?» «Угу, — говорю, — страдаю!».

«Скоро наступит иная пора, поднимется народ на борьбу за лучшую жизнь!» — говорили в кружке. Листовки нам давали. Подбрасывала и я их поти-хоньку: то в цех на окно положу, то в почтовый ящик кину... Все нет-нет, да кто-нибудь поднимет, прочитает, задумается...

А в октябре пятого года забастовка началась. Остановили рабочие мотор. Кольцов, директор главный, приказал наружные двери запереть и ни-кого с фабрики не выпускать. Ух, что тут началось! В окна камни летят, пожарные водой поливают из шлангов. А мы ломимся: «Выпускай!» Сломали две-ри, вырвались... И вода мельницу рушит, а тут сила такая!

Всей толпой пошли мы по другим фабрикам: на Мамонтовскую, на Шмидтовскую мебельную. «Оста-навливайте работу!» — кричим. Потом начались у нас митинги, собрания в большой кухне фабричной. Но все-таки я еще темная была, всего боялась. А вот когда убили товарища Баумана и за гробом его пошел весь московский рабочий люд, тут уж я по-настоящему поняла, какая сила мы, рабо-чие! Поняла и про страх свой забыла.

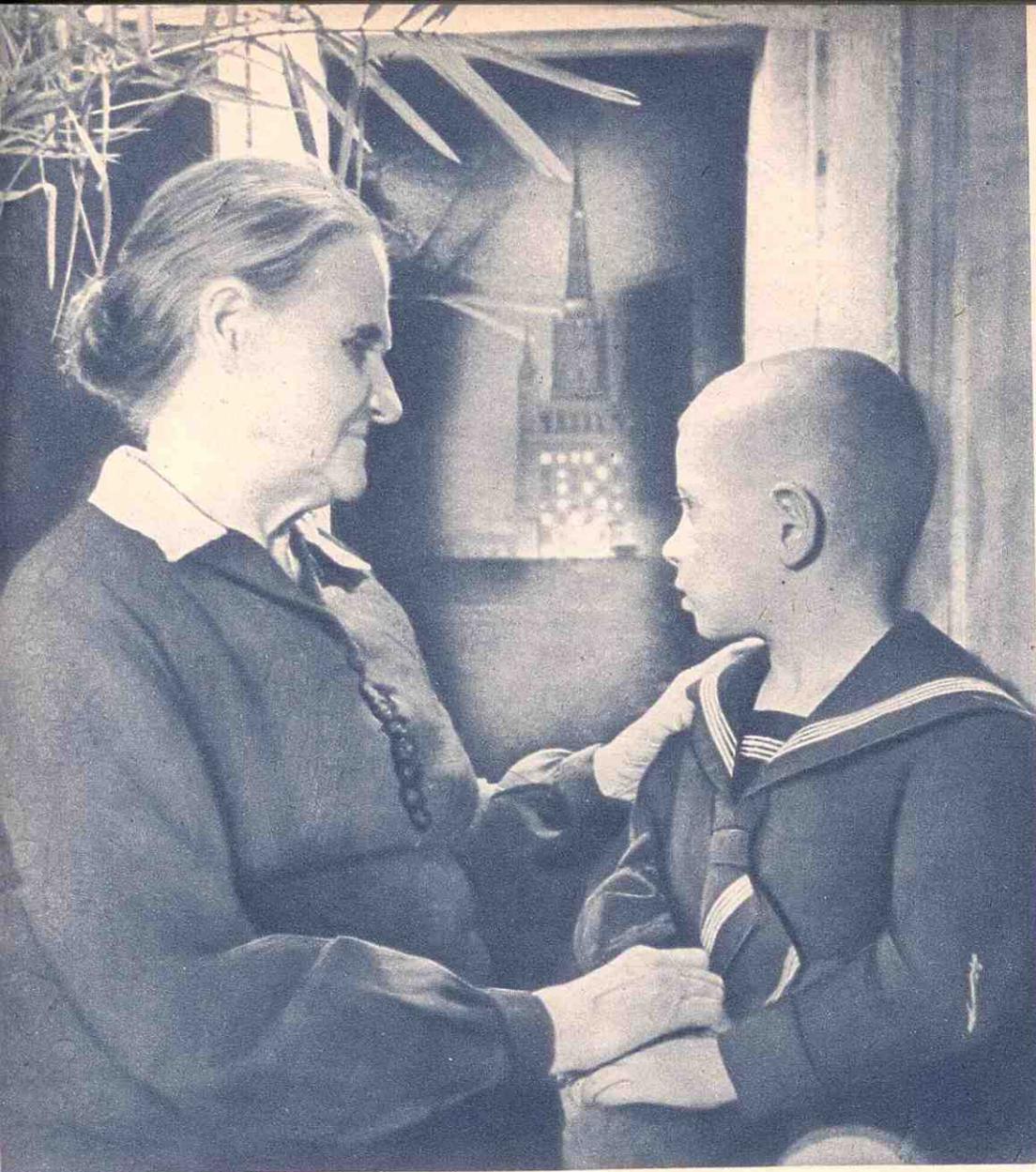
В начале декабря были митинги, демонстрации большие. Один день особенно хорошо помню. Тол-па громадная с красными флагами, с песнями рево-люционными двигалась по Пресне. Навстречу от Зоологического сада — казаки с шашками наголо. В задних рядах паника началась. Вышли тут вперед две девушки-работницы с красным флагом и звон-ко так крикнули: «Стреляйте в нас — живыми знамя не отдадим!» И казаки смутились и ускакали.

Вечером того дня Совет рабочих депутатов при-звал к вооруженному восстанию и постройке барри-кад. В механических мастерских работа кипела: вы-ковывали пики, кинжалы, гранаты готовили.

Тогда так говорили: «Пресня нужна Москве, а Мо-сква нужна России!» От Пресни до Кудринской пло-щади — теперь ее площадью Восстания называют — загородили все пути, чтобы солдатам царским не пройти, не проехать. Столбы телеграфные валили, ворота скидывали, сани-розвальни — все на барри-кады шло. Все это опутывали телеграфной проволо-кой, а чтобы баррикады крепче были, привалива-ли снегом и заливали водой. У меня руки мозоля-ми покрылись от такой работы, зато на душе ве-село!

Нам, девушкам, роздали повязки с красным крестом. Я тоже в летучем санитарном отряде была.

Прасковья Ивановна достает из коробки бережно сложенную пополам белую повязку. Красный крестик на ней кажется каплей крови. Лицо Прасковьи Ивановны спокойное, только руки, маленькие, но мускулистые, с голубыми шнурочками вен, слегка вздрагивают.

— Уже после подавления восстания, когда жандармы по всей Пресне сновали, и у нас на квартире обыск делали. Хорошо, что повязку эту спрятала, жандармы не нашли. А увидели бы повязку — в тюрьму меня бросили, как многих наших работников, как подругу мою задушевную Нюшу Грачеву.

Прасковья Ивановна опять замолкает, видно, что дальше рассказывать ей трудно. Ее бледноглазые глаза смотрят куда-то вдаль. Но вот провела рукой по глазам, заговорила снова:

— Долго рабочая Пресня билась. Да у нас мало оружия было. А у царя-то пушки. Перевязывали мы раненых, перетаскивали их в фабричную больницу. Ну, а потом «усмирять» нас прислали полки из Петербурга. Прохоровка была окружена. Часов в шесть утра началась пальба из орудий со всех сторон. Фабрика была в огне. Расстреливали каратели рабочих тут же, во дворе фабрики... Много крови рабочей пролилось... Недаром Пресню «Красной» прозвали.

Когда загремели пушки и запылали пожары на Пресне, удалось мне бежать. Двадцать пять километров от железной дороги прошла, ничего не видючи, себя не помня. Слезы лились из глаз и на лице замерзали...

В деревне я все в избе сидела, мамке, и той ничего не рассказывала. Но пошла как-то на посылки. Сижу я, веретено в руках держу, а в мыслях одно: а что там сейчас у нас, на Пресне?

Скоро опять в Москву подалась. Долго меня на работу не принимали. Несколько месяцев голодала я, обивала пороги фабричные. После взяли: умелая ватерщица я к тому времени была.

И опять вроде бы все по-старому пошло. Но мы зубы сжали, а того, что было, не забываем: «Еще придет наш черед, погодите!» И когда я после замуж вышла за нашего же рабочего, Зенькович ему фамилия, то вместе с мужем и на массовки ходили и на конспиративной квартире кружок посещали, набирались уму-разуму.

В Октябрьскую революцию мы уже за большевиков крепко стояли, в восемнадцатом году меня и в партию приняли.

Тридцать восемь лет я на фабрике проработала, теперь персональную пенсию получаю. И сейчас бы в охотку работать, да восьмой десяток уже по-

шел, стара... С Трехгоркой, конечно, связь держу, и меня там помнят. В клубе часто бываю, общественную работу веду: народным заседателем была, агитатором на выборах. До войны меня выдвигали рабочие Трехгорки в Московский Совет. Вместе с Надеждой Константиновной Крупской в одной секции работала. Понятно, и депутатом Краснопресненского райсовета была. Так-то...

Внуков у меня пятеро, любят про старое послушать. А мне уж и трудно вспомнить, какая же старая Пресня-то была. Ведь теперь переменялось все, красота стала какая! Вот из окна смотрите.

Прасковья Ивановна поднимается, отодвигает цветы с подоконника. Прямо перед нами — высотный дом на площади Восстания; высоко в яркое небо вонзается его золотистый шпиль. Ласковая улыбка трогает губы Прасковьи Ивановны:

— Внучок мой младшенький, Коля, этот дом «терем-теремок» называется... А вот видите — станция метро новая... И когда иду я теперь по нашей Красной Пресне, то думаю: недаром лилась тут горячая кровь рабочая, недаром пятьдесят лет назад боролись мы на баррикадах за лучшую жизнь!

Л. КАФАНОВА

Что мы видели в Болгарии

Екатерина ЛЕОНТЬЕВА

ГРУППА советских женщин недавно гостила у женщин Болгарии.

Приехали мы в Софию во второй половине сентября, вскоре после того, как был отпразднован большой национальный праздник — одиннадцатая годовщина освобождения Болгарии от фашистского ига.

Мы увидели в этой стране много такого, что оставило в нашей памяти и в сердцах глубокий след.

Мы побывали в нескольких городах и селах, на многих фабриках и заводах, в трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйствах, в детских учреждениях. Осмотрели много различных исторических и историко-революционных памятников.

Мы встречались с людьми из самых различных слоев населения: с рабочими, крестьянами, учителями, журналистами, государственными и партийными работниками. И куда бы ни приезжали, всюду стайками слеталась к нам жизнерадостная, общительная болгарская детвора.

Первое, о чем хочется сказать здесь и что особенно тронуло нас, — это исключительно сердечное отношение болгарского населения к советским людям, огромный интерес к нашей культуре, музыке, песне, литературе, к русскому языку. Нас сопровождала переводчица, но для нее оказалось очень мало работы. Едва она поднялась с места и начинала переводить наши выступления, как сразу раздавался дружный хор голосов: «Не надо переводить, мы всё понимаем!»

В долгие часы поездки по стране в пути не умолкали песни. Наши подруги-болгарки с большим чувством пели как современные советские, так и старые русские песни. Здесь были и «Далеко, далеко», и «Ой, туманы мои», и «Раскинулось море широко», и «Лирическая сормовская», и «Хороша страна Болгария», и много других песен. Неизменной запевадой была Цветана Киранова — женщина с седой головой и молодыми, горячими глазами, немало пережившая в годы фашистского режима.

Не раз мы слушали, как активистки болгарской женской организации напамять читали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других русских поэтов. Мы долго будем помнить любительниц этих стихов Маню Белчеву, главного редактора женского журнала «Жената днес», и ее заместителя Любу Стойнову.

В Софии мы были на опере Чайковского «Евгений Онегин», которая исполнялась на русском языке. При этом следует заметить, что зал оперного театра был переполнен.

В искренней любви к советскому народу мы убеждались всюду: на фабриках и заводах, в городах и селах, где бы и с кем бы ни встречались. Особенно запомнились отдельные случаи из нашей поездки.

Нет такого советского человека, который, попав в Болгарию, не посетил бы Шипки, где в 1877—1878 гг. во имя освобождения братского болгарского народа от турецкого ига была пролита русская кровь. Понятно, что и наша делегация стремилась попасть сюда.

Когда мы приехали на Шипку, нас встретил человек, охраняющий территорию памятного места.

Ярко светило сентябрьское солнце. На вершине перевала, где мы находились, в прозрачном, невесомом воздухе царила ничем не нарушаемая тишина, глаз ласкал разноцветный осенний ковер, покрывающий склоны могучих гор, все кругом дышало умиротворением. Но рассказ наших друзей так захватил, что воображение как бы перенесло нас в далекое прошлое, и мы ошутимо представили себе, как наши прадеды и деды — русские воины — в этих горах и ущельях, вдали от родной земли, в стужу и метель, преодолевая лишения, совершали

героические подвиги во имя свободы своих братьев-болгар.

Переполненные глубокими впечатлениями, мы оставляли этот памятник — свидетель давнего братства, скрепленного кровью, пролитой здесь.

Нельзя не рассказать еще об одной незабываемой встрече. По пути от Шипки в Тырново мы остановились в городе Габрове.

Услышав, что в Габрове проездом находится делегация советских женщин, к нам пришла из ближайшего селения 76-летняя старушка. Это оказалась крестьянка, известная в Болгарии под именем «партизанская мать — бабушка Зара».

Трудно представить, что эта старая, маленькая, хрупкая женщина еще совсем недавно, в годы второй мировой войны, укрывала у себя партизан, выполняла роль связной и проявила себя искусным конспиратором. Но это было именно так.

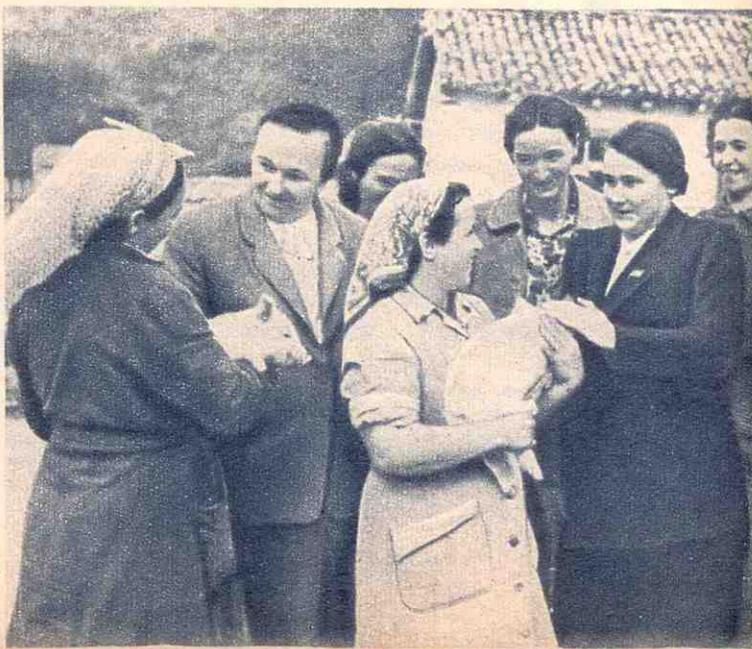
Чтобы скрыть от фашистов свою связь с партизанами, она все время меняла места встреч с ними. За партизанами она посылала свою собаку, которая приводила их к ней каждый раз на новое место. Сейчас чучело этой собаки находится в музее.

На наш вопрос, что ее привело к активной борьбе против фашистов, бабушка Зара ответила не сразу и не прямо, а рассказала о своей жизни. Родители ее были крестьяне, муж — рабочий. Однажды, когда она была еще совсем молодой женщиной, она шла по деревенской улице со своим первенцем-сыном на руках. По дороге ей встретился отец, возвращавшийся с поля. Отец смотрел на Шипку и плакал. Когда дочь спросила, почему он плачет, отец сказал: «Что бы чувствовала ты, если бы твой сын сложил голову на чужбине и ты не знала бы, где покоятся его кости; ведь русские проливали кровь за нас, за болгар, и сколько их тут погибло!» — И он показал на Шипку.

— Мне, — продолжала бабушка Зара, — глубоко запали в душу эти слова и слезы отца. И когда наши люди поднялись во время последней войны на борьбу с фашистами, я помогла им. Я не боялась, я верила, что партизаны обязательно победят, потому что русские, советские люди им помогут, а мы должны тоже помочь русским бить фашистов. А теперь нам надо беречь дружбу, беречь все то, что нам помогло завоевать советские люди. Нам надо хорошо работать и вместе бороться за мир.

Мы тепло распрощались с «партизанской матерью» и потом вспоминали ее много раз, потому что на каждом шагу во всех делах болгарского народа видели подтверждение ее дум и чувств.

Мы много читали о том, что за одиннадцать лет народной власти под руководством Коммунистической партии болгарский народ добился огромных успехов в

— Вот наши питомцы, — с гордостью говорят советским подругам свиноводки трудового кооперативного сельскохозяйственного хозяйства «Первенец».

На Шипке у памятника русским солдатам и болгарским ополченцам.

своим хозяйственным и культурным развитием, что облик страны совершенно изменился: из отсталой, аграрной Болгария превратилась в индустриально-аграрную страну.

Теперь мы все это увидели своими глазами, а самое главное — увидели людей, благодаря которым в короткий исторический срок достигнуты такие большие перемены.

О развитии болгарской отечественной промышленности и о людях, которые работают в ней, можно судить по тем предприятиям, с которыми мы познакомимся.

К востоку от Пловдива расположился молодой город страны — Димитровград. Здесь все предприятия новые. И самое величественное среди них — химкомбинат имени Сталина.

Мы долго ходили по его просторным цехам, с интересом осматривая мощные агрегаты, первоклассную технику. И невольно напрашивался вывод: здесь могут работать только квалифицированные, культурные рабочие.

Так оно и оказалось. В перерыве мы встретились с теми, кто здесь работал, — это были в большинстве молодые женщины. Нам представили отличницу производства Василину Целянову, машиниста Сирину Стефанову, аппаратчицу Таню Костеву, плановика Теофанку Стоичеву и многих других работниц.

Это живые, культурные, любознательные девушки и женщины. Из разговоров выяснилось, что среди них нет ни одной с образованием ниже семи классов, большинство учится в вечерней школе. Одна из женщин, имеющая маленького ребенка, на вопрос, не тяжело ли ей справляться с работой и с ребенком, ответила просто: «Я уже не могу сидеть дома — скучно».

При комбинате есть ясли и детский сад, хорошая столовая. Неплохо поставлена художественная самодеятельность, особенно хоровая.

Все это мы видели на новом промышленном предприятии. Но мы были свидетелями и того, как свободный болгарский народ преобразил старые предприятия.

Вот текстильная фабрика в городе Сталине, ныне фабрика имени 1 Мая. В старой Болгарии на этой фабрике был буквально крепостной труд. Владелец ее набирал девушек из окружающих сел и деревень и на 2—3 года

заточал их за высокими каменными стенами, не выпуская даже для свидания с родными. Эксплуатации и издевательств не было предела. Многие из них возвращались с фабрики в свои села обезбещенными.

Обо всем этом нам рассказала очевидица — бывшая работница, а теперь инженер Мария Тодорова. Она окончила Ленинградский текстильный институт и пожелала вернуться на свою родную фабрику. Помощник директора здесь тоже бывшая работница Атанаска Димитрова.

И вот на этой фабрике освобожденные люди первыми в стране начали движение многостаночников.

Зачинательницей этого движения была работница Елизавета Стефанова. Ей присвоено звание Героя Социалистического Труда. Савва Михайлова, Анка Петрова, Янка Тодорова, Златка Шарина и другие ткачихи также стали работать на нескольких станках.

И здесь, как и в Димитровграде, мы видели приветливые, жизнерадостные лица счастливых людей. Когда мы покидали фабрику, из прилегающего к ней парка до нас донесся веселый смех и звонкие удары волейбольного мяча: в здешнем коллективе очень любят спорт, 130 работниц фабрики — парашютистки.

Где бы мы ни были, везде ключом бьет новая жизнь. Был ли это прекрасный плевенский парк имени генерала Скобелева или чудесные окрестности старинного болгарского города Тырнова — всюду мы видели примеры богатой духовной жизни людей. Для народа открыты все сокровища культуры.

Большие перемены произошли и в жизни болгарского крестьянства. На полях юга, востока и севера страны мы видели тракторы, полевые вагончики, в селах — в домах и на улицах, на животноводческих фермах — электрический свет. Рядом со старым саманным домом то и дело поднимался остов нового кирпичного здания.

В Болгарии объединено в трудовые земельные кооперативы более половины крестьянских хозяйств. Мы были в двух кооперативах: в «Первенец», Пловдивского округа, и в кооперативе имени молодого партизана Генкова в селе Поликраище, Горно-Оряховской области, близ Тырнова.

Кооператив «Первенец» объединяет 1500 хозяйств. В прошлом, 1954 хозяйственном году кооператив получил свыше 20 миллионов левов дохода — главным образом за счет винограда, табака и помидоров.

Земли обоих кооперативов обрабатываются машинами МТС. Животноводство механизировано здесь слабее, ощущается недостаток в транспорте. Но трудности роста не влияют на настроение крестьян, ощутивших радость труда на своей земле, для своего народа. Они знают, что недостатки со временем будут изжиты.

С большой гордостью крестьянки показывали нам кооперативные детские учреждения: ясли, детские сады. В кооперативе имени Генкова есть даже своя больница с родильным отделением.

С особым удовлетворением отметили мы, советские женщины, культурный и политический рост болгарских крестьянок. Как в том, так и в другом кооперативе большие партийные организации. В кооперативе «Первенец» женщины составляют более одной трети коммунистов, а в кооперативе имени Генкова — более половины. И в обоих хозяйствах секретарями партийной организации избраны женщины.

В кооперативе имени Генкова заведующая родильным отделением больницы, заведующая детским садом, библиотечкарь — все это бывшие местные крестьянки.

Мы испытали чувство гордости за наших сестер — болгарских женщин, за их рост и активное участие в строительстве новой, счастливой жизни. Наши подруги говорили, что предстоит еще немалая работа для того, чтобы побольше было женщин на руководящих постах в промышленности и сельском хозяйстве. Нет сомнения, что и эта задача будет успешно решена. Поручкой этому служит забота, которую повседневно проявляет о трудящейся женщине Коммунистическая партия Болгарии.

...Расставаясь с нашими сестрами, мы возвращались на родную землю с мыслью о том, что наша дружба с болгарским народом навеки. Мы увозили с собой многочисленные пожелания болгарских женщин, горячие приветия сестрам — советским женщинам, твердую уверенность в нашей общей решимости бороться за самое дорогое для нас и для наших детей — за мир.

НАШИ ГОСТИ

Развертываете ли вы пахнущую свежей краской газету, слушаете ли по радио последние известия, каждый день вы узнаете о приезде в нашу страну новой делегации из-за рубежа.

Это ученые, инженеры, рабочие, крестьяне, артисты, спортсмены, государственные деятели. Приезжающие к нам посещают заводы и фабрики, колхозы, научно-исследовательские институты, школы и больницы, санатории и дома отдыха, театры, знакомятся с жизнью и бытом нашего народа.

Где только не побывали иностранные делегации — на Украине, в Краснодарском крае, Ростовской, Сталинградской и Куйбышевской областях, на целинных землях Алтая и Казахстана.

И повсюду наши зарубежные гости встречают дружеский прием советских людей. Дружба между народами — это неисчерпаемый источник духовного подъема и культурного обогащения. Она помогает упрочению мира.

Миллионы и миллионы людей разных стран ищут и находят пути к сердцу друг друга.

Фото В. Мاستюкова, И. Баранова, А. Бахарева, Н. Кулешова, Н. Науменкова, А. Маклецова, В. Соболева и Г. Вахтангадзе (ТАСС).

↑ Делегация французских женщин знакомится с Московским Кремлем.

↓ Посетившие Ленинград гости из Бирмы осматривают Невский завод имени В. И. Ленина.

Огромные букеты цветов преподнесли москвички австрийским женщинам. ↑

Прибывших на пароходе «Дания» датских туристов горячо встречали жители Ленинграда. ↓

В колхозе имени Сталина, Красноармейского района, Сталинградской области, члены английской сельскохозяйственной делегации встречали традиционным «хлебом-солью». Это приветствие понятно на всех языках мира. ↑

Члены сельскохозяйственной делегации Соединенных Штатов Америки на кукурузном поле колхоза имени Ильича, Верхне-Хортинского района, Запорожской области. ←

Много интересного увидели бельгийские женщины во Дворце пионеров ↑ города Тбилиси.

В дождя

А. ГРАЧЕВ

Рисунки В. Медведева.

ВТОРОЙ день, как сквозь сито, цедит мелкий, холодный дождь. Низко над землей несутся седые рваные тучи. Бушует озеро, без устали пригоняя к берегу студёные мутные валы, и с грохотом разбивает их о полированные лбы гранитных глыб, что громоздятся по берегам. Прибрежный песок гасит брызги. Злой ветер треплет кусты ивняка, свисающие чубами с обрывов... Угрюмы дремучие леса, со всех сторон окружившие карельскую деревушку Палатозеро. В ней десятка два потемневших от дождя изб. Слезаящимися окосками уныло смотрят они на улицу, раздавленную колесами тракторов и телег. Улица пустынна.

— Чертова погода! — ворчит Бондарев, задумчиво глядя, как лениво расплываются по стеклу струйки воды. — Совсем прохудилось небо. — Он вздыхает и сокрушенно качает головой.

Из нас пятерых Бондарев самый старший. Улыбка выгоняет из уголков глаз пучки мелких морщинок. В зубах неизменная цыгарка. Курит даже по ночам. Оттого и кашель надсадный.

— Бросил бы курить, — не раз советовали ему.

— Э, где там! — махнет безнадежно рукой. — Без табака я, что рыба без воды.

Работает он на конной сенокосилке. Кумачев и Люттик тоже работают на конных сенокосилках. Первому двадцать девять, второму двадцать восемь лет. Оба долговязые, сухопарые. Только Кумачев всегда молчалив и серьезен, а Люттик — весельчак и балагур. К тому же замечательный гитарист. По вечерам играет и поет нам. Причем получается у него так:

«Нежный дрюх, милый дрюх...»

Люттик — мастер приврать, сочинить, из мухи сделать слона, но парень он хороший, и ладить с ним можно.

Четвертый, Саша Гризодубов, — коренастый крепыш. Недавно он вернулся из армии. В октябре едет в школу механизации учиться на тракториста. А пока решил помочь колхозу. Председатель, недолго думая, послал его к нам. Саша — спортсмен. Каждое утро, будь дождь или холод, занимается на дворе гимнастикой. Сначала он бегаёт по двору, распугивая хозяйских кур, потом прыгает через скакалку и, наконец, раз по двадцать выжимает двухпудовую гирю, которую позаимствовал на колхозном складе.

— Далеко пойдёт малый, — изрек однажды Люттик. — Чего доброго, чемпионом мира станет.

— Ты тоже поиграл бы гирькой, — посоветовал ему на это Бондарев, — а то взгляни на себя: не мускулы, а вата...

— Это верно, — охотно согласился Люттик. — Вот в армии я был королем ринга. — И начал расписывать: — Удар! Еще удар, снизу вверх, так называемый «апперкет», и бегут с носилками доктора.

На первых порах мы слушали его, открыв рты, затаив дыхание. Потом раскусили. Теперь лишь посмеиваемся. Не верим, а все же слушаем с интересом, потому что от мастера художественного слова в Лютике больше, нежели от претендента на звание чемпиона по боксу.

Пятый в этой компании я. Что ж сказать о себе? Рост средний, глаза зеленые, курнос, скуласт. В общем, как видите, ничего интересного. Работая колхозным шофером. Дел много: то в город везу зерно, мясо, картофель, а на обратном пути какие-нибудь стройматериалы, цемент для силосных ям, доски, то посылают в МТС за горючим или в соседнее село за чем-нибудь. Сейчас машина ремонтируется: части меняют, кузов латают. А меня, чтобы при деле был, председатель направил в Палатозеро.

— Колхозники заняты на уборке зерновых, — сказал мне председатель, — это сейчас наша первая задача. Погода, видишь, какая? А траву еще не везде скосили. Осталось вот около трех гектаров в урочище Сави-Ниemi. Там болото, кочки, пни. Придется косить вручную. Надо помочь...

Что ж, раз надо, поможем. Вот здесь-то и встретился я с Бондаревым, Кумачевым, Лютиком. А через день и Саша прибыл. Три дня косили, а на четвертый, когда надо было силосовать, испортилась погода. Заледил дождь. Не силосовать же в эту мозглятину!

Вчера ждали солнышка до обеда, а после помогали колхозникам сортировать зерно. Сегодня — старая история. Решили с час ждать — и снова к триерам.

А пока сидим в избе, где прокопченная печь, почерневшие «Николай-чудотворец» и «Святая богородица» в углу, а рядом звонкие «ходики» и фотографии усачей в форме солдат старой, царской армии. Смотрим в окна и не устаем ругать погоду. Даже не радуется концерт Кости Лютикова. А послушали бы вы, как поет он старинный цыганский табор-

ный романс «Когда вас нет!» С затейливыми переборами, со звоном, с томными вздохами.

— Ты, Костя, и не подозреваешь, что у тебя большой талант, — сказал как-то вполне серьезно Саша. — Ты мог бы стать великим артистом.

— Я мог бы стать знаменитым, но не захотел. Концерты, шум, аплодисменты — для всего этого, мой дрюх, надо иметь железные нервы, а у меня вместо нервов нитки остались после трех лет семейной жизни. Вот как, — с важностью и грустью ответил ему Люттик.

Сейчас он лежит на кровати, закинув босые ноги на никелированную спинку, и наигрывает вальс «Египетские ночи». Мы слушаем. Слушаем и хмуро смотрим в окно: не прояснится ли небо? Забежал к нам председатель. Сел на лавку, кiset с бумагой вынул. Мы знали, о чем он будет говорить. О том, что плохи дела, что срывается заготовка кормов. Понимаем сами, но что делать?

Потушив окурок о подошву сапога, шумно вздохнув, председатель ушел. Вздохи не рассеивают туч. Тучи все ползут и ползут, и цедит дождь. Второй день висит паутиной между землей и небом!

— Вот тебе и заготовка кормов! — сокрушается Бондарев.

Он снова качает головой и без конца пускает синие клубы табачного дыма. Люттик никак не может оканчивать свои «Египетские ночи»: тренькает все одно и то же. Надоело, откровенно признаться.

— Ты, Костя, сыграл бы что-нибудь повеселее, — прошу я, — скажем, «Сормовскую лирическую».

Люттик как будто не слышит. Сегодня и он что-то мрачный.

— Если б не этот дождь, я снова был бы на республиканской Доске почета, — тихо рассказывает Кумачев Саше. — Каждый год хорошие результаты.

— Понятно, — откладывает гитару Люттик, — во всем виновата погода. А что из-за поломок стояла сенокосилка, — это, конечно, в счет не идет...

— Всего час стояла машина из-за поломки, — угрюмо говорит Кумачев, — зато потом я три ночных часа работал. С лихвой отквитал.

— Рассказывай! — хмыкает Люттик, но тотчас умолкает, потому что Кумачев встает и подходит к нему с красными пятнами на щеках, сжав кулаки, тяжелые и крепкие, как куски карельского мрамора.

— Выходит, мне неправильно записывали работу? — глухо спрашивает он.

Люттик трუსит, хоть он и бывший король ринга.

— Нет, почему же, — бормочет он и снова берет в руки гитару.

Усмиряет их, как всегда, Бондарев. Он стучит костяшками пальцев по столу и укоризненно качает головой:

— Этакие дядды, а как мальчишки, как петухи... Не стыдно?

За окном кто-то шлепает по грязи. Скулит беззлобно собака.

— Дружок, — слышим мы женский голос, — спокойно...

— Арина идет, — потеплевшим го-

лосом говорит Бондарев. — Приведите-ка себя в порядок.

Люттик садится на край кровати. Конечно, неудобно при девушке лежать, задрав под потолок ноги. Потом берет чудеснейший аккорд и начинает свой коронный номер:

«Нежный дрюх, милый дрюх...»

Саша достает из кармана портсигар. Я застегиваю ворот гимнастерки, заправляю складки за ремень. Чувствую, как приливает к щекам тепло. Слышим осторожный стук в дверь.

— Можно, — кричим хором, — заходите, пожалуйста!

— Здравствуйте...

Голос у Арины сегодня глухой, простуженный. А вот и вся она в тусклом свете сумрачного дня. Под кашпоном круглое лицо, глаза большие и темные, прилипшие ко лбу завитки волос. Она снимает плащ и стряхивает с него воду.

«В эту ночь, при луне,
Вспомни ты обо мне...»

буквально кричит Люттик. Мы смеемся. Улыбается и Арина. Зубы у нее медкие и белые.

— Поете, ребята? — Она зовет нас ребятами, хотя у Кумачева два сына, у Лютлика дочке полтора года, а у Бондарева куча внучат.

— Что же делать? — за всех отвечает Бондарев. — Льет второй день.

— А в Сави-Ниemi три гектара травы, — присев на краешек скамьи, печально говорит Арина. — И на завтра дождь обещают. Что де-

лать теперь, право, и не знаю. — Она нагибается и сжимает в кулаке складки платья. По полу растеклась лужа.

— Где вымокла так? — спрашивает допытывающий Люттик. — Не в озеро ли упала?

— Не в озеро, — как-то машинально отвечает Арина, — в Сави-Ниemi была. Там вся трава в воде...

Наступает тишина. Лишь стучит в стекла дождь, да где-то гремит приподнятый ветром лист железа на кровле.

По улице, держась ближе к заборам, пробирается несколько колхозниц.

— Зерно пересыпать, — кивает головой Арина, — в зернохранилище идут.

Поскрипывая натужно, сбрасывая с железных ободов колес комья грязи, едет телега с бидонами. Рослый кудрявый парень шлепает рядом с лошастью, крутит вожжами, бранится громко.

— Прокудин повез молоко на маслозавод, — поясняет опять Арина и, помолчав, добавляет с грустью: — А трава так и лежит в воде...

Одно тревожит ее, одно на уме.

— Ничего, — ободряет Саша, — уберем еще, погоди-ка. Верно, Миша?..

Я энергично трясу головой.

— Конечно, — отвечаю как можно бодрее, — вот только прояснится немного.

И снова тишина. Люттик окончательно приуныл. Положил голову на гитару и, кажется, дремлет. Но

глаза открыты. Арина хочет что-то сказать, но, видно, никак не наберется решимости.

Мы понимаем, о чем она думает, что хотела бы высказать вслух.

— Погода собачья, — поднимает голову Люттик, — посмотри, Арина, как льет...

— Я, кажется, вас ни о чем не просила, — пожав плечами, холодно отвечает Арина.

— А что, если пойдем сейчас? — говорит Бондарев. — Дождь-то — пусть, водная процедура, и только...

— Конечно, не растаем, — вступает Люттик. — Вот разве только Кумачев останется на тормозе.

Люттик кивает головой на приятеля и презрительно хмыкает. Такая у него привычка — задевать.

На этот раз, к нашему удивлению, Кумачев делает вид, будто ничего не слышит. Нагибается и достает из-под кровати сапоги. Наматывает на ноги портянки.

— Я не привык много болтать, — бурчит он, — как некоторые, с гитарой под полоу.

Из-за ситцевой занавески печи показывается морщинистое лицо нашей хозяйки, старухи Матвеевны.

— Куда же вы, касатики, — шамкает она, — в такую погоду?..

— Сидосовать пойдем, — спокойно отвечает Арина и смотрит на нас, то есть на меня и Сашу. Вежнее, сначала на Сашу, потом на меня. Впрочем, это неважно.

— А Саша и Миша как, согласны? — спрашивает она обеспокоенно.

Саша вскакивает со скамьи и по-военному щелкает каблуками. Я тоже готов, только ту же затягиваю ремень на гимнастерке.

Бондарев бросает окурочку и надевает на голову свою фуражку с черным лакированным козырьком...

Немного погодя, вооруженные лопатами, топорами, вилами, по узкой лесной дороге мы пробираемся в урочище Сави-Ниemi. Глухо шумят над головой сосны, вершинами уходя в тусклое небо. Пахнет прелыми листьями. Сквозь мохнатые лапы сосен сочится вода. Идем молча, под звон лопат, под всхрап лошади, которую ведет под уздцы Бондарев. Впереди Арина. Ловко скачет через валуны, что лежат на тропе толстыми боровыми. Иногда оглянется, помашет рукой и снова спешит. Между стволов наконец проглядывает черная гладь реки. Шуя — знаменитая карельская река. А вот и Сави-Ниemi. Осторожно, цепляясь за кустарники, спускаемся вниз. Земля глинистая, и ноги разъезжаются. Сави-Ниemi — это прибрежная ложбина. С одной стороны обрывы, заросшие молодыми елочками, кустарником, а с трех сторон река. Место топкое. Здесь и жарким летом не просыхает ржавая болотная вода. А сейчас и говорить нечего. С чмоканьем идем к берегу и здесь, на бугре, окружаем Арину.

Арина меряет шагами длинный четырехугольник. Втыкает в углы палочки.

— Вот, — говорит, оглядывая нас, — копайте, ребята, на глубину сорок сантиметров. Будем буртовать...

— Это еще что такое? — удивляется Лютик.

— Так иногда силосуют, — поясняет Арина, — особенно в дождливую погоду. Наземный способ.

Что ж, будем силосовать наземным способом. А дождь усиливается. Шумит черная вода Шуи. Покачиваясь, плывут бревна лесосплава.

— У сплавщиков тоже много работы, — говорит как бы сам себе Бондарев. — Закроются скоро реки, и поэтому спешить надо. Не одни мы, выходит, мохнем, ребята.

Кумачев снимает гимнастерку и первый берет в руки лопату. Верно, он много говорить не любит. И Саша остается в майке-безрукавке. Может, чтобы похвастать перед Ариной своими бицепсами... Конец сентября. А климат Карелии — все же не Сочи. Но посмотрели бы вы, как работает Саша Гризодубов! Это ж шагающий экскаватор!

Лютик начинает сморкаться.

— Вот, — жалуется уныло, — грипп успел подхватить. — Но, заметив насмешливый взгляд Кумачева, вооружается киркой. Размахнувшись, вонзает ее в твердый дерн. Носком сапога откидывает в сторону вывернутую глыбу земли. — Вот как надо работать, — разглагольствует он с гордым видом.

— Ты меньше говори, а больше делай, — советует Кумачев.

Работа началась.

Меня Арина берет себе в помощники. Она так и говорит:

— Миша, бери лошадь. Будешь траву свозить к яме.

Саша крикает. Даже Лютик не скрывает своей зависти.

— Повезло, — шепчет он мне синими губами, — с девчонкой куда веселее работать.

Я окидываю его холодным взглядом. Молчал бы.

— Только сначала надо волокушу сделать, — говорит Арина, — чтобы траву возить. Срубил две березки, вот те, что потоньше...

Подхватив топор, бегу к березкам. Не замечаю, как вязнут ноги, как за голенища льет ржавая болотная вода.

...Арина недавно приехала к нам в колхоз. Помню, сидели мы вместе на комсомольском собрании. Выслушав выступление нашего секретаря Гали Скворцовой, Арина повернулась ко мне и спросила:

— Давно работает она секретарем?..

Я ответил, что давно, и, в свою очередь, спросил, почему это ее так заинтересовало.

— Очень хорошо выступала, — ответила с уважением Арина и улыбнулась. Эта улыбка мне даже и сейчас снится...

Потом я часто встречал Арину на улице, в колхозной конторе, у ферм. Она была всегда какая-то озабоченная, всегда куда-то спешила, торопилась. Рассеянно кивала мне при встречах, а иногда пробегала, не поздоровавшись, видно, сильно занятая своими мыслями. Я решил, что она гордится и немного зазнается. А хотелось бы подружиться с девушкой, поговорить, увидеть снова ее улыбку... И вот сегодня я слышу ее голос, ее смех. Взмахиваю топором, и березки с печальным треском опускаются, окунают желтые

головы в черную воду реки. Неожиданно для себя запеваю:

«Хорошо, хорошо в родимой сторонке у нас...»

— Вроде никогда не пел, — слышу удивленный возглас Лютика. — С чего бы это он вдруг разошелся?

Верно, пою я редко. Лютик снова сострил что-то в мой адрес, на этот раз тихо. Громкий смех заглушает стук лопат. Пусть острит, пусть смеются ребята: все веселей работать в такую собачью погоду. На берегу появляется председатель, похожий на монаха, в длинном брезентовом плаще, с капюшоном на голове. Заложив за спину руки, стоит молча около ямы, в которой трудятся мои товарищи. Он, наверное, поражен представшей ему картиной: бицепсами Саши, невозмутимостью Бондарева, синим носом Лютика.

— Ну, Иван Трофимович, — предлагает Лютик, когда я с очередной копной мокрой травы подъезжаю к яме, — снимай свой балахон да к нам на помощь.

Председатель снимает плащ, берет в руки лопату и принимается за дело.

— Ого! — восклицает Бондарев, глядя, как летят с лопаты комья земли. — Теперь дело пойдет куда быстрее.

На бугре растет гора желтого речного песка.

— Перекур! — наконец кричит Лютик, вылезая из ямы. — Меряй, Арина.

Арина машет рукой. Значит, глыбина достаточная. Теперь товарищи отдыхают, жадно затягиваясь самодельными. Кумачев и Лютик сидят

под кустом, прикрывшись плащом. Беседуют мирно. Вот так всегда: то ругаются, то чуть не обнимаются. В Сави-Ниemi приходят еще три колхозника во главе с бригадиром Кузьмичевым, рыжебородым стариком.

— С зерносушилки снял на полдня, — поясняет нам председатель, — надо, думаю, закончить с силосованием.

— Это хорошо, — радуется Арина, — тогда сегодня все закончим. Все три гектара уберем.

Она тоже вымокла, да и устала, наверное, но вида не подает. Все так же неутомимо сует с граблями меж кустов.

— Отдохни, Арина, — говорю я, — посиди немного.

Арина качает головой:

— Некогда отдыхать. Надо всю траву к яме собрать.

Мне хочется поговорить с Ариной. Это такой удобный случай. А то потом она опять будет пробегать мимо с озабоченным лицом.

— На будущей неделе, — говорю я несмело, — в клубе постановка будет. «Шторм» ставим Билль-Белоцерковского. Я там в роли военкома, а Лютик в роли лектора. Приходи, Арина...

Говорю, а сам головы не подымаю. Кидаю траву на волокушу.

— Если ничего не случится, — отвечает Арина, — обязательно приду...

А я замолкаю: больше слов пока не нахожу.

— Посмотрите-ка на этого военкома, — глядя на меня, почему-то недовольно отмечает Лютик, — шуры-муры с Ариной. Ишь, рот до ушей!

Бондарев приминает траву у стенок ямы. Здесь трава должна ложиться особенно плотно, чтобы не проходил воздух. Иначе силосная масса будет портиться.

— И пусть поухаживает за девочкой, — ворчит он, — парню двадцать семь лет. Жениться давно пора. И ты, Лютик, брось зубоскалить.

Лютик цедит сквозь зубы:

— Пусть ухаживает. Мне какое дело?

И с демонстративным равнодушием отворачивается. В разговор вмешивается председатель. Он подходит ко мне и кладет на плечо свою тяжелую, мозолистую руку.

— Эх, Миша, — говорит он с нарочитой серьезностью, — и свадьбу сыграли бы! Гром пошел бы по всей округе такой, что тучам тошно стало бы. А там, глядишь, и дожди кончились бы. Давай, договаривайся. Девушка она хороша. За всю свою жизнь лучше не найдешь...

Бондарев усмехается дружелюбно:

— Доброе дело, соглашайся, Миша. Даже вечно хмурый Кумачев сверкает зубами:

— Пригласишь на свадьбу, Миша, не забудешь?..

— Да ну вас, — сердито говорю я, — еще только на постановку пригласил, а они о свадьбе толкуют!

Конечно, я проболтался. Все смеются. Со всех сторон летят шуточки-прибаутки. Не выдержав, поворачиваю лошадь и спасаюсь бегством.

— Что это вы смеялись там? — спрашивает Арина и подозрительно смотрит на меня.

Я отмахиваюсь небрежно:

— Да Лютик все сказки рассказывает! — И торопливо добавляю: — Может, вы в нашу художественную самодеятельность запишетесь, Арина? И вам дадим роль.

Это как бы продолжение нашего разговора. Его я придумал на обратном пути.

— Можно будет, — просто отвечает Арина, — в техникуме я участвовала в самодеятельности. И пела, и плясала, и в постановках играла... Например, в «Свадьбе с приданым».

И смеется. Нет, она совсем негордая.

Становится сумрачно. Дождь то стихнет, то снова запошет. Но он нам теперь не страшен. Во-первых, потому, что мы и так мокрые, а, во-вторых, вся скошенная трава — в яме.

— Будет чем кормить коров! — радуется председатель. — Молодцы, ребята! Постарались на славу...

— Э, брось, Иван Трофимыч! — стыдливо замечает Кумачев. — Не нас надо благодарить!.. Вот кто все организовал, — кивает он головой на Арину.

Арина вытирает платком мокрые руки.

— Вот еще придумали! — укоризненно взглядывает она на Лютика.

— Хороший специалист приехал к нам! — растроганно говорит председатель. — Такого мы и ждали.

Арина нагибается за граблями. Это чтобы скрыть от нас раскрасневшееся от смущения лицо.

— Собирайтесь-ка лучше в поход! — говорит она как-то даже сердито. — Или не совсем еще вымокли?

По той же тропе возвращаемся в лес. Впереди идет председатель с лошадью, за ним — Бондарев с цыгаркой в зубах, потом Кумачев, за ним — Лютик. Он сутулился, сунул руки в рукава. Озяб, видимо. Но ничего. Придет в избу, обсушится, чайку выпьет да еще сыграет и споеет какой-нибудь старинный романс с витым перебором, со звоном.

За Лютиком — Саша, потом — Арина, и замыкает колонну я. Тихим голосом Арина напевает:

«На Волге широкой, на стрелке далекой...»

Я подпеваю. Саша оглядывается с улыбкой. Присоединяет к нашим голосам свой мощный бас. Подхватывает и Лютик, идущий впереди. Он как бы сразу воспрянул и выпрямился даже. Слышится голос председателя. Даже Бондарев поет. Слов он не знает, и песня у него звучит так: тари-та-ра-ра-ра... тари-та-ра-ра-ра. Но, в общем, получается хорошо...

Уже вечер. Из Сави-Ниemi вслед за нами плывет туман, мягкий и густой, как вата. Хрустят под ногами валежник, листья папоротника и трубки дягиля. Звонко цокают о камни подковы лошади. И хотя мокрая одежда липнет к телу, чавкает в сапогах ржавая болотная вода, а с мохнатых лап сосен падают и падают тяжелые капли, мне не холодно. Мне тепло и как-то радостно.

В сибирской дальней стороне

Николай АГЕЕВ

Под шубой снежной и колючей,
Средь тишины и чистоты,
Застыли сосны вдоль излучин,
Как будто думой повиты.
И ветер,
Вечный непоседа,
Который был без выходных,
Сегодня тоже спит под снегом
Здесь, между сосен вековых.
И Обь под крышей ледяною
Свой затаила шепоток.
Лишь только дымкой небольшою
Метельный слабый гребешок
Зашевелится, и растет,
И даже звука не издаст...

Впервые ты, тайга, такую
Глядишь приветливо на нас.
И, открывая твои двери,
Мы,
Как разведчики, пришли
Сюда зимой, на обский берег
И жизнь с собою принесли.
Надев наушники, ты скажешь,
Что до Москвы
рукой подать.

А через Обь —
В ней тыща сажен —
Таежных дебрей не видать.
Висит туман,
Как хрупкий иней, —

Возьми его,

в руке помни...
Стоит тайга от стужи синей,
И подросли костров огни...
И на огни не озираясь,
Рогами трогая тайгу,
Пришел однажды лось-красавец
И встал вон там,

на берегу,
Закинув к небу лихо морду.
Стоял,

как каменный, литой...
И, по всему видать,
Был горд он
Моей таежной стороной.

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

(К 60-летию со дня рождения)

Имя вождя испанского народа, выдающейся деятельницы международного рабочего и демократического движения Долорес Ибаррури знают во всех странах мира. За неиссякаемую энергию и бесстрашие в неутомимой борьбе против врагов испанский народ утвердил за ней второе имя — Пасионария, что значит Вдохновенная.

Всю свою жизнь Долорес Ибаррури посвятила делу коммунизма, являясь его пламенным пропагандистом.

Долорес Ибаррури родилась 9 декабря 1895 года в испанском местечке Гальярта, в Басконии. Ее отец был горняком. Долорес рано начала работать на хозяев, поняла всю несправедливость буржуазного общества и совсем еще юной стала принимать активное участие в рабочем движении. А когда в 1920 году в Испании была создана Коммунистическая партия, одним из первых ее организаторов была Долорес Ибаррури. Шесть раз Ибаррури подвергалась арестам и тюремному заключению, но всякий раз власти были вынуждены по требованию народа раскрыть двери застенков и выпустить ее на свободу.

Особенно народ Испании полюбил свою Долорес в годы освободительной войны против фашистских мятежников и итало-германских интервентов (1936—1939 годы).

Тридцать два месяца народ Испании сдерживал дикий натиск сил фашизма и всей международной реакции. Во главе обороны стали коммунисты, и первыми из первых вышли возводить оборонительные укрепления вожди испанского народа Хосе Диас и Долорес Ибаррури.

На протяжении всей отважной борьбы испанского народа Долорес всегда можно было видеть на линии огня. Ее бесстрашие воодушевляло бойцов. Ее пламенные призывы: «Фашисты не пройдут!», «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса!» — поднимали трудящихся Испании на подвиги.

С 1939 года Долорес Ибаррури находится в эмиграции. Но все эти годы она продолжает возглавлять борьбу испанского народа за свободу и демократию. Под ее руководством Коммунистическая партия Испании сплачивает вокруг себя широкие массы испанцев как в самой Испании, так и в эмиграции.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОД. С картины Хуана Лопеса.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

Профессор М. В. КУЛЬТИАСОВ

ЕРВОБЫТНЫЕ люди добывали себе пищу охотой и сбором диких плодов, ягод, орехов, клубней, луковиц и других частей растений, богатых крахмалом и иными питательными веществами.

Охота не всегда бывала удачной, и не во всякое время года имелась возможность для сбора растительной пищи. Но, собирая плоды и корни диких растений, люди замечали, что оброненные на землю семена, клубни или луковицы прорастают. Тогда они стали собирать и высевать семена, высаживать клубни и луковицы дикорастущих возле мест своих обитаний.

Для этого они стали обрабатывать землю заостренной палкой. Позже на конец палки начали приделывать каменный наконечник, который с течением времени приобрел форму мотыги.

Еще и сейчас в Индо-Китае и на острове Ява при посеве риса пользуются заостренной палкой: ею делают лунки для заделки зерен в почву. Когда человек стал одомашнивать диких животных, он начал использовать их для обработки земли, впрягая в примитивный плуг, сделанный из корня дерева. Первые такие плуги появились, очевидно, около десяти тысяч лет назад в Месопотамии.

При развитии земледелия, когда люди стали получать более или менее постоянные урожаи с возделанных ими полей, кочевой образ жизни сменился оседлым. Возникли постоянные места поселений.

Во время раскопок поселений 5—8-тысячелетней давности ученые нашли ручные мельницы, орудия прядильного и ткацкого ремесел. В жилищах людей того времени уже встречаются ткани из волокон льна. Там же найдены плоды ореха и каштана, семена яблони, груши и даже винограда.

Все это говорит об относительно высокой земледельческой культуре у живших тогда людей.

В течение тысячелетий человек отбирал из диких растений наиболее вкусные и питательные, дающие наибольший урожай, и выращивал их вблизи своих жилищ.

Он совершенствовал и орудия, которыми возделывал землю. Начал применять удобрения при обработке почвы для посевов. Расширились его знания о природе и законах развития растительного мира. Благодаря отбору лучших экземпляров тех или иных растений и уходу за ними человек создал множество растений, которые сегодня известны нам только как культурные: пшеницу, рис, кукурузу, ячмень, сою, лен, сахарный тростник.

Эти растения постепенно становились непохо-

Долорес Ибаррури безгранично верит в силу женских масс. Работе среди женщин она всегда уделяла и уделяет огромное внимание. Ибаррури возглавляла отдел по работе среди женщин Центрального Комитета Коммунистической партии Испании. И после того, как она была избрана заместителем генерального секретаря партии, а затем, в 1942 году, после смерти Хосе Диаса — генеральным секретарем, она никогда не оставляла работы среди женщин.

Пассионария является душой Союза антифашистских женщин Испании. Ей принадлежит ведущая роль в создании Международной демократической федерации женщин. Десять лет тому назад, с первых дней организации федерации, она была избрана ее вице-председателем и на протяжении всего этого времени ведет активную работу в ней.

Присутствуя на Международных женских конгрессах, мы, советские делегатки, видели, как тянутся к Долорес Ибаррури женщины всех стран, как стремятся получить от нее совет, ободрение, как хотят открыть ей свою душу.

Находясь вне Испании, Долорес Ибаррури всегда с теми, кто не прекращает героической борьбы внутри страны против политики террора и национальной измены. Она вместе с теми, кто переносит неисчислимые страдания в тюрьмах Барселоны, Бильбао, Альбасете, она с тысячами мужчин, женщин и детей, которых подвергают мукам медленной смерти в застенках.

Я вспоминаю международную женскую выставку в Париже в 1948 году. Среди экспонатов испанского павильона мы видели вышивки, сделанные руками заключенных женщин и неведомо какими путями доставленные из тюрем. На многих этих вещах, на носовых платочках было вышито: «Долорес...», «Долорес...», «Долорес Ибаррури...».

Долорес Ибаррури — верный друг Советского Союза. В годы гитлеровского нашествия на нашу Родину она неустанно боролась против германского фашизма, против втягивания Испании в войну на стороне гитлеровской Германии. В Сталинграде, на площади Павших борцов, в братской могиле покоится прах сына Долорес — Рубена Ибаррури. Вместе с советскими воинами он пал в борьбе за нашу землю.

Велика любовь Долорес Ибаррури к советским женщинам. «Советские женщины, пользующиеся полным равноправием, являются примером для женщин всего мира», — говорит она. И советские женщины платят ей такой же любовью.

Уже тогда, когда меня попросили написать о Пассионарии в журнал «Крестьянка», мне посчастливилось встретиться с Долорес Ибаррури в одной из европейских стран. Я попросила ее сказать несколько слов советским крестьянкам. Вот что она сказала:

— Прежде всего я желаю всем им здоровья. Желаю, чтобы успехи, которые они имеют в развитии социалистического сельского хозяйства, росли с каждым днем. Мы всегда помним, что трудовые успехи советских людей — это вклад в дело мира на всей земле. И еще я желаю советским крестьянкам, чтобы в их семьях больше родилось детей. Нация, у которой родится много детей, непобедима.

Так могла сказать только женщина-мать, которая неустанно печется о счастье детей всех народов.

Пожелаем же нашему дорогому другу, стойкой коммунистке, пламенному борцу за мир и счастье трудящихся Долорес Ибаррури в день ее 60-летия доброго здоровья и многих лет жизни на благо испанского народа, на благо всего прогрессивного человечества.

М. ОВСЯННИКОВА,

член президиума
Антифашистского комитета советских женщин.

Посев при помощи заостренной палки.

жими на своих диких предков.

Возьмем хлебные злаки: пшеницу, рис, кукурузу. В их зернах содержится запас ценных питательных веществ—крахмала и белков. Этим еще в глубокой древности они привлекли внимание человека.

Пшеничное зерно было найдено в Египте в кирпиче пирамиды более чем пяти тысячелетней давности.

Зерна пшеницы обнаружены и в остатках свайных построек; им не менее четырех тысяч лет. Эти зерна намного мельче, чем нынешние сорта.

Многочисленные названия пшеницы на древних языках говорят о глубокой древности этой культуры в умеренных климатических областях Азии, Европы и Африки. Ученые предполагают, что пшеница возделывалась еще в то время, когда человек не обладал членораздельной речью и люди объяснялись знаками и отдельными звуками, то есть около пятидесяти тысяч лет тому назад.

Отбирая из диких разновидностей пшениц самые лучшие, человек высевал их. В свою очередь, уже из культурных сортов он выбирал такие, зерна которых были крупнее и содержали наибольшее количество питательных веществ. Благодаря такому отбору и одновременному улучшению ухода за посевами люди создавали новые сорта пшеницы. Сейчас насчитывается свыше 4 тысяч сортов пшеницы. Все они отличаются от древних сортов крупностью зерен и большим запасом крахмала и белков в них.

Древним культурным растением является рис. Для половины населения земли рис является основным пищевым продуктом. И сейчас в Индии и Африке есть несколько видов дикого риса. Африканский дикий рис дает неплохое зерно, которое собирается населением. Это растение ежегодно возобновляется от самосева, но зерна его так рано опадают, что сбор урожая приходится начинать задолго до полного созревания.

Рис культурный создан человеком так же, как и пшеница, путем многовекового отбора и улучшения качества возделывания. Благодаря этому рис приобрел ряд ценных свойств, нужных человеку и сильно отличающих его от диких родичей. Прежде всего это неосыпаемость зерна.

Ценнейшее культурное растение — кукуруза проникла в Европу, Азию и Африку после открытия Америки, ее родины. Ее непосредственных родичей в Америке не найдено.

Но там есть два вида сорных растений, родство которых с кукурузой несомненно. О том, как сильно изменилась кукуруза под воздействием человека, говорит такой факт: в Мексике, в пещерах пяти тысячелетней давности, в почве на различной глубине были найдены по-

Стержни початков кукурузы, найденные в различных слоях почвы при раскопках в Мексике.

чатки кукурузы. Початки, найденные в нижних слоях почвы, по величине и крупности зерен намного меньше початков, найденных в ее верхних слоях. Это свидетельствует о сравнительно быстрых изменениях кукурузы под воздействием человека.

Картофель, помидоры стали известны в Европе

также только после открытия Америки. Американский картофель был очень мелок и горьковат на вкус. Индейцы отмачивали его в воде, сушили, а потом уж употребляли в пищу. Нам никогда не приходилось есть горький картофель, ибо уже много лет назад люди вывели из американского дичка прекрасные сорта крупного вкусного картофеля и по сей день не прекращают работы по его улучшению.

Помидор — в переводе на русский язык значит «золотое яблоко». Было время, когда помидоры не употребляли в пищу. Их высаживали в цветниках как декоративные растения. Но с середины прошлого столетия помидоры вошли в быт и в качестве пищевого продукта сначала в Италии, а затем и в остальных странах Европы и Азии.

Также сравнительно недавно стали возделываться сахарная свекла, чай, кофе, конопля и другие растения.

Замечательный английский ученый Чарлз Дарвин впервые с большой тщательностью собрал множество фактов об изменении растений и животных под воздействием человека. Основываясь на них, он создал свою гениальную теорию происхождения видов. Он объяснил, как в ходе исторического развития изменяются растения и животные, и доказал, что эти законы лежат в основе преобразования и создания человеком новых форм растений, новых пород животных. Основой этого преобразования является способность животных и растений не только изменяться под влиянием условий, которые создает им человек, но и передавать эти изменения своему потомству. Но если Чарлз Дарвин объяснил, как происходили изменения растений и животных, то великий русский ученый Иван Владимирович Мичурин, опираясь на его учение, разработал теорию и методы создания новых растений. Вот главные из этих методов: скрещивание растений, отдаленных друг от друга по месту своего обитания и родству, прививка, то есть сращивание тканей растений разных пород, и, наконец, направленное воспитание растений путем изменения условий внешней среды.

Так, познав закономерности развития растений, человек стал преобразователем природы, сознательным творцом новых растений. Он создает все новые и новые сорта культурных растений, непрерывно повышая их продуктивность, урожайность, а также и качество получаемой от них продукции.

Уход за кукурузой у древних мексиканцев.

«В КЛУБ». На снимке: участники художественной самодеятельности колхоза имени Орджоникидзе, Козельского района, Калужской области.

Цветное фото М. Савина.

Индийская ковровщица за работой. Панно.

Полотняный зонт от солнца.

Деревянный поднос с инкрустацией из слоновой кости и перламутра.

Ткани, дамские сумочки, металлический сосуд работы индийских ремесленников.

ИНДИЙСКИЕ МАСТЕРА

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, в октябре и ноябре этого года была открыта выставка кустарных изделий Индии. Посетители с интересом знакомились с замечательными изделиями рук индийских ткачей и горшечников, вышивальщиц и ковровщиц, мастеров по обработке металла и дерева.

В залах павильона выставки разместились двадцать две тысячи экспонатов. Они были привезены со всех концов Индии. Глазам посетителей открывалось прекрасное в своей яркой самобытности искусство талантливого и трудолюбивого индийского народа.

Тяжелая парча из Бенареса и Сурата, тончайший, словно паутина, муслин, хлопчатобумажные и шелковые ткани ярких расцветок и оригинальных рисунков давно завоевали мировое признание. Не менее знамениты ковры из Кашмира и Мирзапура; изделия из бронзы, серебра, латуни — настольные лампы, пепельницы, блюда, — созданные мастерами штата Хайдарабад; ремесла Нирмала — шкатулки и подносы из особого вида древесины, инкрустированные слоновой костью.

С незапамятных времен существует в Индии и искусство резьбы по дереву. Резьбой украшены потолки и двери храмов. Резные решетки, столы, стулья, ширмы широко распространены в быту. Особенно любят жители Индии благовонное сандаловое дерево. Из него изготавливают веера и специальные ароматические палочки. Обмахиваясь веером из сандалового дерева, помимо прохлады, человек ощущает и тонкий, приятный запах.

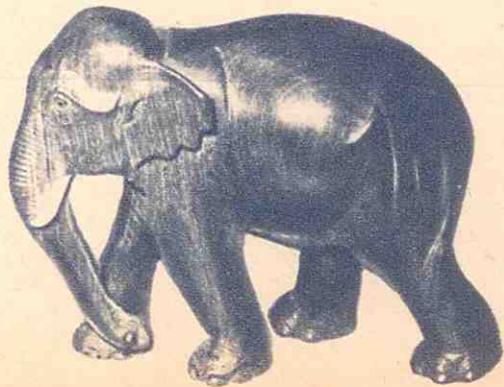
Внимание посетителей привлекали также скульптурные изображения птиц и животных, сделанные из самого различного материала — металла, дерева, камня, слоновой кости, глины. Многие из них — произведения большой художественной ценности. Очень хороши на выставке игрушки. В Индии игрушки из глины, палье-маше, кожи, тряпок делают не только для забавы детей, но и для украшения жилищ.

Индийская кукла, кого бы она ни изображала, всегда ярка и выразительна.

Индийские кустари — удивительные умельцы. Из кожи, трав, высушенных пальмовых листьев они изготавливают удобные и красивые предметы домашнего обихода. Корзиночки, хлебницы, циновки, салфетки сделаны с большим изяществом и вкусом.

Особенно много посетителей останавливалось у витрины, под стеклом которой лежала тарелка черного дерева. На ней были рассыпаны мельчайшие белые зерна. Только сквозь сильно увеличивающую лупу можно рассмотреть, что это вовсе не зерна, а целое стадо слонов, вырезанных из слоновой кости! Здесь их сто. А есть в Индии и обладатели тарелочек, по которым «гуляют» двести и даже триста слоников.

Выставка индийских кустарных изделий позволила нам, советским людям, еще шире и разностороннее ознакомиться с богатой, уходящей корнями в глубокую древность культурой народа Индии.

Заонежские вышивальщицы

Михаил СКУРАТОВ

Я ПЛАЫЛ на север по темносинему Онежскому озеру.

По озеру гулял ветер. На бурные волны с пронзительными криками садились чайки. А я невольно предавался размышлениям о здешнем крае, который раньше назывался Олонецким. Именно здесь ученые собирали русские быliny и сказки, которые передавались изустно из рода в род мудрыми сказителями вроде знаменитой Арины Андреевны Федосовой, воспетой Максимом Горьким. Здесь же и родина финского эпоса: именно в Карелии, на севере Заонежья, были записаны Элиасом Ленротом руны «Калевалы». И сегодня в этом крае живут сказители и рунопевцы.

Заонежье — край мастериц. Здешние крестьянки еще в очень давние времена были искусны в разных художественных «рукометах». Они занимались и художественным соломоплетением, выделывая нарядные туесочки, и золотым тканьем, украшая кокошники. Их вышивки славятся и сейчас.

К этим мастерицам я и плыл.

И вот она, Шуньга, — древнее село на Путкозере, средоточие онежских вышивальщиц.

Чудесная здесь природа. Там луга и пашни, там сплошные леса. На каждой горушке, в двух шагах от дома, земляника, черника; в озерах рыба, в лесах дичь; воздух чистый, просторы почти нетронутые.

На берегу заросшего камышами и водяными лилиями Путкозера уютится двухэтажный бревенчатый дом «вышивальни». Это главная мастерская артели «Заонежская вышивка». Там-то я повстречался и с юными бойкими вышивальщицами, склоненными над своими пялами, и с прославленными степенными, опытными мастерицами.

Памятна встреча с Александрой Ивановной Лопаревой. Это еще бодрая женщина, с открытым круглым лицом, крепко сбитая, с ладной походкой. Всю жизнь прожила она в деревне Пáбережье, что километрах в восьми от Шуньги.

— Я из рода Ярицыных, — говорит она певуче и мягко. — Нас было шесть сестер. И все шесть — сызмалетства вышивальщицы. Я как раз пятая по счету. Нас обучала и подымала на ноги старшая, Прасковья Ивановна Ярицына, которая всю жизнь положила на вышивку.

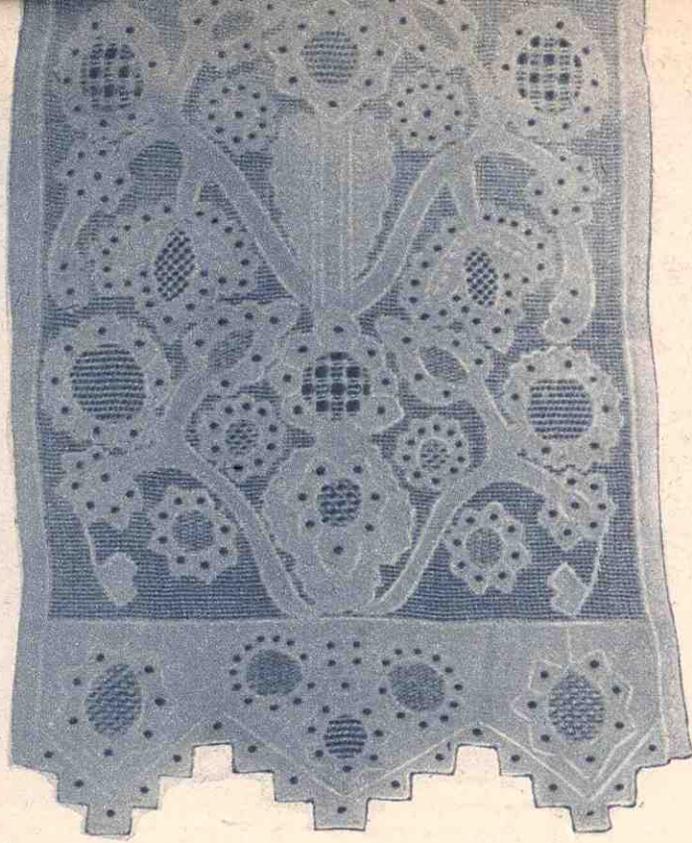
От старшей сестры Александра Ивановна переняла художество изящной тамбурной вышивки наряду с более обычной — филейной. Тамбурная вышивка — работа кропотливая, тщательная, очень нелегкая, как всякое подлинное искусство.

— Через мои руки много народу прошло! — вспоминает Александра Ивановна. — Тридцать иль больше учениц тамбурить научила.

Она умолкает. Но молодая вышивальщица, белокурая Аня Пальчикова подымает голову от пяла, в которых натянута белое льняное полотно. Сейчас Аня выделывает на покрывале мережку узором «куриный глазок». У Ани Пальчиковой как бы свой «рывок» при вышивании, свой стиль. Она уже шесть лет работает в артели, имеет шестой разряд. При мережке Аня уже не считает, а чувствует, сколько ниток взято на иголку, и никогда не ошибается в расчете. Ее движения свободны и грациозны.

— Право, — говорит она, — вот какие ученицы у Александры Ивановны бывали, что не знали, как иголку в руки взять, а потом ими не хавались.

Александра Ивановна Лопарева вышивала «тамбуром по сетке» большую скатерть для Всесоюзной сельскохо-

зайственной выставки. Сколько умения, терпения и любви отдала мастерица этой работе!

— Начала я эту скатерть, — неторопливо повествует она, — 18 апреля и сдала работу 7 июня 1955 года. Большая скатерть. 1 метр 67 сантиметров каждая сторона. Петр Николаевич — наш председатель — хотел дать мне помощник, а я отказалась. Трудновато было, но сделала. Вставала в четыре часа утра, и вечера прихватывать пришлось. На скатерти я по наведенному рисунку вышила изображения зверей: заяц, белка, лисица, лось. Все следы зверей были вышиты, и лес был изображен, даже мелкие листики на деревьях. Целая картина... Для себя не каждый день найдешь время и охоту так-то вышивать, ну а для народа можно.

Не раз мы слышим слова о любви к своей работе. Но вот как просто и сильно выразила эту любовь Александра Ивановна — потомственная вышивальщица:

— Еще как люблю! Руки пока хорошо служат; вот только когда тамбуришь или дергать нитку начнешь для сетки, они уже терпят. Но пока жива, глаза не померкли, буду работать на вышивках.

Однако похвалы своему искусству она поспешно отводит. Нет, не она самая лучшая, самая опытная заонежская вышивальщица. Не ей должна быть первая слава.

— Никому такой тамбур не удавалось делать, — говорит она убежденно, — как нашей старшей сестре, Прасковье Ивановне Ярицной.

Мне посчастливилось вскоре увидеться и долго беседовать с самой Прасковьей Ивановной Ярицной — старшей вышивальщицей Заонежья. На вид слабенькая, кроткая и тихая, но сколько внутренней силы и душевного величия таит эта талантливая, много потрудившаяся женщина! За свой более чем полувековой зыскательный труд она удостоилась правительственной награды — ордена «Знак почета».

Прасковья Ивановна подает мне в руки основное орудие производства заонежских вышивальщиц — тамбурку, весьма простой инструмент, представляющий, в сущности, крючок, похожий на вязальный, в немудром деревянном окладе.

— А вот еще и кóпалка, если говорить по-деревенски, — указывает она на костяное с резьбой шильце. — Это чтобы прокалывать дырочки в полотне. Всю войну берегла две эти вещи да еще очки. Самое дорогое в моем рукоделии.

Начала я заниматься вышиванием еще как только стала ума-разума набираться. Малолеткой. Сперва стала простенько вышивать. Тамбуришь не сразу. Тамбуришь я начала этак лет двадцати, уж не помню точно, прости-те старую. Осталась в девушках. Судьба, что ли, такая... —

Она помолчала и прибавила: — Но я неплохо прожила. Особенно когда стала вышивать. Будто нашла главную радость в жизни. Нынче вот только глаза изменили, пальцы деревенеют.

Она вооружается очками.

— Давайте, я покажу вам маленько. Беру полотно и впяливаю в пальцы. Потом начинаю тамбур в первую очередь, уж коли наведен рисунок. Раньше мы сами, мастерицы, наводили свой рисунок на полотно. Привяжешь или приколешь на полотно рисунок, и на окне все видно, и переводишь. А теперь через кальку наносится рисунок или через переводную бумагу. А по наведенному узору и тамбуришь. Правой рукой я держу свою тамбурку, прокалываю ею полотно, которое в пальцах натянуто, а снизу левой рукой нитку накладываю на крючок тамбурки. Теперь глядите: сквозь полотно на верхнюю часть вытягиваю нитку, получается петелька на крючке; опять тамбурку протыкаю вниз, за новой ниточкой, и так петелька в петельку и идешь по назначенному рисунку. А ошибиться-то нельзя, нето рисунок испортится! Мы эту нашу работу называем по-деревенски, в шутку, морюшкой. Как тамбур сделан, начинаешь кóпалкой делать дырки, потом — мережки, и уже последним делаешь сетку. Выдерживаются нитки по утку и по основе, чтобы получилась сетка вроде из окошечек между тамбурными вышивками. Сетка красивее выделяет узор. В некоторых узорах еще есть решетки. Потом подрубил — и все. Когда делаешь сетку, то два раза надо делать шов, даже бугорком, рубцом. Бугорком красивее.

Старушка показывает полотенце, вышитое по способу «тамбур по сетке». Чтобы такое полотенце вышить, «надо дён двадцать, однако не меньше, одной мастерице!» — говорит Прасковья Ивановна.

Если полотенце требует столько времени и усилий, сколько же ушло на вышивание знаменитого панно «Легендарный поход Тойво Антикайнена» или занавеса на темы «Калевалы» — «Вяйнямейнен играет на кантеле», о которых сказано в Большой Советской Энциклопедии!

— Это не неделку и не двадцать дён заняло, — улыбается Прасковья Ивановна, — а целые месяцы. Трудно и Вяйнямейнена и поход Антикайнена было вышивать. Взять хотя бы винтовку со штыком, затвором... Или попробуй вышить в точности лыжный след, лыжи, пулемет. Мне помогал три девушки: Катя Максимова, Валя Карпова, Шура Титова. Я делала только тамбур, а девушки выдерживали сетку, протыкали кóпалкой дырки. Эти вышивки я выполнила по рисунку художника Василия Михайловича Агапова; он живет в Петрозаводске. А раньше рисунки у нас были свои, передавались из рода в род.

Прочно вросла в быт заонежских крестьян своя, народная художественная вышивка. Раньше девушка готовится к замужеству и вышивает, вышивает себе закрайки (подзоры), станушки (местное название женских сорочек), скатерти, особенно много полотенец, чтобы на свадьбе одарить вышитыми полотенцами всю «породу» жениха. При первом рукобитии, когда жених сватает невесту, свекру в первую очередь закрайка к кровати и свекрови первый подарок — станушка и хорошие к ней рукава. Второй подарок — когда свадьба. Запекут косою пирог и вместе с пирогом подают станушку с рукавами. Так и говорили в народе: невеста готовится замуж и все тамбуришь. Нынче в Заонежье обычай одаривать вышивками исчез.

Много значил и домашний холст, по-местному точиво, — прекрасное, тонкое и прочное льняное полотно.

— Бывало, — вспоминает Прасковья Ивановна, — ткань льняную отбеливают на льду, чаще всего в марте — апреле месяце. Намочим в воде и на лед постелим, на солнышко. Повертываем время от времени на другую сторону. Когда солнечные дни, за два — четыре дня может отбелиться. Иной раз и ношеное льняное белье и стиранные полотенца выносят на лед, и всякое пятно солнцем отъест, хотя бы чернильное, масляное. И потом выстирать, не кипятить, не парить — ничего, и все будет белым, как снег. Постели хоть суровый мешок — солнцем отъест его, отбелит. А если еще в сывороточной воде сперва помочить да на снежный сумёт, на лед, — и еще белее будет. И тогда вышивай себе на здоровье на таком полотне!..

До Октябрьской революции в Шуныге проживала не-

кая Аполлинария Александровна Пономарева, этакый паучок-кровосос. Она давала заказы нуждающимся вышивальщицам, а заодно и полотно, и нитки, и рисунки на городской манер. Но уж за то изволь отдавать вышивку только ей за сущие гроши, а себе в карман она клала барыши большие. А еще больше выгод перепало купцам в Питере, куда оборотистая барынька сбывала изделия закабаленных ею вышивальщиц.

— А куда денешься? — горестно вздыхает Прасковья Ивановна. — Нужда! Щепоточки хлеба порой на дворе не было. Еще и благодетельницей считали эту Аполлинарию Александровну. Пялы сделаем большие, на всю избу, и мы все, сестры, садимся за них. И днем за пялами тамбурием и ночи прихватывали, да еще при каком свете! Едва-едва коптила керосиновая пятилинейная лампенка.

Прасковья Ивановна задумалась.

— Может, из-за этого я такая слабенькая и хлипкая на всю жизнь осталась. Ведь гнула спину без отдыха, без воздуха.

На глаза Прасковьи Ивановны навернулась непрошенная слеза, но она быстро смахнула ее.

— После революции куда стало жить легче, — оживилась она. — Была семья большая, и все девять человек выросли, поднялись на ноги. А как только у нас артель

вышивальная открылась, так уж тут-то я и занялась только вышивальной работой, что с детства была для меня самая любимая.

Переносясь мыслью от прошлого к сегодняшнему, она продолжает:

— Жалею, что рано родилась, не в такое время. Вот гляжу на наших молодых вышивальщиц — и сердце радуется: обучают их, живут в хорошем общежитии, досуг есть — зимой на лыжах бегают, летом мячом развлекаются, через сетку его кидают, веселятся. Ничего-то такого мы и не знали.

О мастерстве заонежских вышивальщиц мне много порассказал также петрозаводский художник Василий Михайлович Агапов. Много лет работает он с ними в творческом содружестве. По его эскизам Прасковья Ивановна Ярицына создала несколько выдающихся вышивок. Среди них — замечательное полотно «Легендарный поход Тойво Антикайнена». Оно выполнено ею к 30-летию Октября, в 1947 году, и теперь украшает в Петрозаводске Краеведческий государственный музей. По его эскизу вышила она драгоценную скатерть на тему из финских рун о Калевале — «Куллерво-пастушок», — которая была торжественно преподнесена Всемирной Ассамблее Мира в Хельсинках в нынешнем, 1955 году. Второй ее экземпляр можно видеть в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в павильоне Карело-Финской ССР.

— Олонецкий шов «по письму», или иначе, «тамбур по сетке», — говорит художник, — славился еще в прошлом веке. Самая благородная расцветка — белым по белому, иначе говоря, на белом льняном полотне белым тамбуром. Такие вышивки шли в Англию, в Париж, в Нью-Йорк, на всероссийские и международные выставки и прославляли мастериц русской народной вышивки.

Но в его рассказ вдруг вплетаются тревожные нотки: замечательное это искусство гложет. Республиканская промкооперация и ее промсовет, в ведении которых и находится артель «Заонежская вышивка», мало заботятся о сохранении этого искусства. Почти забывают «тамбур по сетке» — гордость заонежских вышивальщиц. Ряды старших, опытных мастериц художественной вышивки «по письму» все более редуют, многие уходят на покой, а с ними уходит их опыт — ценнейший опыт старейших мастериц заонежской художественной вышивки.

Одна из лучших молодых вышивальщиц заонежской артели, Зоя Егорова, сказала мне с грустью:

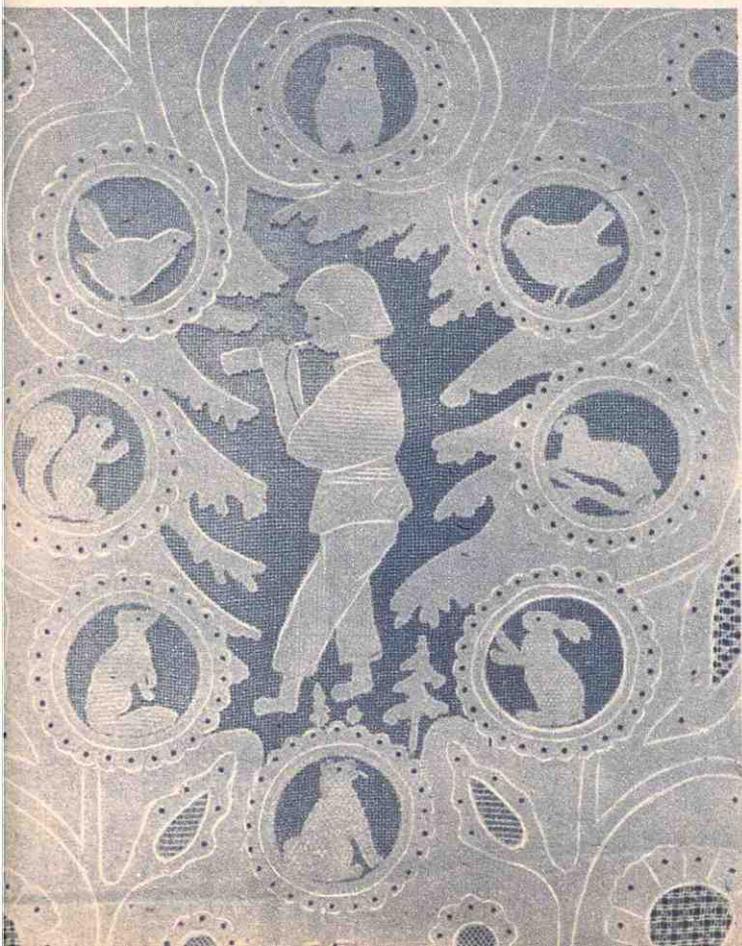
— В последнее время больше строчку работаем, а художественной вышивки с нас не спрашивают, тамбурные теперь только по особому заказу. Чему выучились от старых мастериц — забываем.

...Пароход, на котором я уезжал, уже давно покинул пристань, а передо мной все стояло задумчивое лицо молодой вышивальщицы, и слышался ее голос:

— А ведь мы очень любим вышивку.

И я подумал: нет, не переведутся в этом сказочном северном крае чудесные мастерицы! Надо только оказывать им надлежащее внимание.

Карело-Финская ССР.

ЕДРО Онорио, что называется, сорвался с цепи: он метался, как загнанный в клетку зверь, от одного края террасы к другому.

— Бесстыдство! Я проучу его! Ему всыпят столько палок, сколько прутьев в кормушке для скота!

Пастухи, толпившиеся у ступенек террасы, переминались с ноги на ногу, угрюмо опустив глаза. Все молчали, охваченные беспокойством. И только Хоакин Вайо сказал:

— Вы должны понять, нужда заставила...

* * *

А произошло это так. Засуха высушивала один за другим пруды и открытые водоемы. Воды становилось все меньше и меньше. Наконец, на дне водоемов осталась только грязь. Несмотря на это, бедняки со своими стадами упорно бродили около них. Волы, коровы, быки тыкались носами в воющую и густую жижу, стараясь извлечь хоть каплю влаги.

Но потом и эта влажная грязь затвердела, и водоемы, как лишаями, покрылись коркой. Стада изнывающих от жажды животных направились в сторону барских заград — родников, окруженных заборами.

— Что будет с нами, отец?

Зе Какундина не осмелился взглянуть в лицо сыну, задавшему вопрос. Все чувства и силы своей души он вложил в молитву, обращенную к прозрачному, безоблачному небу. Но враждебное сверкание солнца ослепило его. Он уронил голову на грудь.

— Бог не оставит нас, Неко, — только и смог промолвить он.

При каждом порыве ветра почерневшие деревья глухо шумели своими обнаженными ветвями.

* * *

Дом был четырехстенный, полуразвалившийся, крытый старой соломой. Зе Какундина сидел на корточках в тени дома и царапал щепкой песчаную землю.

— Зе, воды нет?

Напротив него примостилась жена, на седьмом месяце беременности, в грязном, рваном платье. Говорила она нараспев, медленно, мягко и покорно. Блеск волос, смазанных дешевым маслом, исчез под слоем пыли.

— Зе, воды нет?

— Ни одной капли.

— И попить нет?

— Ни капли...

Зе не выдержал. Молча взял тыквенную бутылку и решительно зашагал по тропинке, теряющейся в зарослях.

Он шел, не обращая внимания на поникшие травы, на засыхающие кустарники, издающие терпкий запах.

Колокольчики, низко склонившись к земле, казалось, жалобно позванивали среди увядшего луга. А многолетние деревья с широко и мощно раскинувшимися кронами взяли под свою опеку хлебные деревья, защи-

Расплата

Рассказ

Судре ВИАППА

щая их от палящих лучей солнца. Поле кишело пресмыкающимися.

Иногда вслед за треском ломающихся о крепкие рога сухих веток появлялось какое-нибудь животное, облезшее, одна кожа да кости, с затуманенными глазами. Оно долго и доверчиво, почти человеческим взглядом, смотрело на путника. Затем снова уходило в лес, опустив шею, ступая трясутимися, тяжелыми от слабости ногами.

Зе Какундина продолжал идти вперед. Потом вдруг остановился и начал внимательно изучать лес вокруг себя, ствол за стволом. Кругом царил тишина. Никого!

Тогда он бросился к забору, сделанному из длинных неотесанных

кольев. Перемахнул через частокол, наполнил водой тыквенную бутылку, прильнула губами к свежей, холодной воде и жадно, с наслаждениемпил.

Когда он оторвался от бутылки, жидкая бородачка его была вся в капельках воды. Но он не стал вытирать ее. Он оставил эту блаженную свежесть на лице и пустился в обратный путь.

Так он начал приносить воду из колодцев, принадлежавших богатым сеньорам — владельцам крупных поместий.

И Неко, сын его, последовал примеру отца.

* * *

Хоакин Вайо сказал сущую правду: только безвыходная нужда заставила их пойти на это. Но Педро Онорио ничего не хотел знать. Колодец принадлежал ему. Вода, следовательно, была тоже его. У него есть на это документы. Он метался по террасе, топал ногами по каменным плитам, скрежетал от ярости зубами.

— Я проучу его, собаку!.. Я проучу его!..

Пастухи переглядывались между собой. Они-то очень хорошо знали, как обыкновенно поступают эти сеньоры...

...Солнце уже село.

— А Неко ведь не возвращается, Зе?!

— Запоздывает немного. Наверное, повстречал по дороге дичь и пошел за ней.

— Ерунду плетешь, Зе!.. Охоты сейчас нет.

— Перестань хныкать, женщина! Какундина выговаривал жене, а у самого кошки на сердце скребли. Ночь наполнила уже всю округу.

— Ну, где же Неко?

Рисунки
П. Пинкисевича.

Зе не ответил. Застыл — спокойный, суровый, словно каменный, впиваясь взглядом в уходящую вдаль дорогу.

...На Неко истратили всего лишь одну пулю. Он упал совсем близко от частокола. На тыквенной бутылки были пятна крови.

Какундина вскинул его тело на спину, а свободной рукой зажал горлышко бутылки.

Небо становилось светлее, подходил час рассвета...

* * *

Педро Онорио ехал верхом, весело и самоуверенно насвистывая. Вдруг лошадь встала совсем недалеко от родника. Толпа белых и мулатов окружила его:

— Добрый вечер, полковник!

Педро Онорио сжался в седле. Перед вооруженными мулатами тщеславие сеньора исчезает, как воздух из проколотого воздушного шара. Однако он прикинулся веселым:

— Что нужно собранию почтенных парней?..

Это были люди из народа, те же крестьяне, бежавшие в горы и мстившие внезапными налетами за всех обездоленных. Одним словом, они носили винтовки стволom вниз. Их кожаные сомбреро, патронташи, ремни, кобуры блестели украшениями: медными бляхами, серебристыми звездами, пряжками, и всюду на одежде, по простоте душевной, — ленты самых ярких цветов.

— Спешивайтесь! — приказали ему.

Педро Онорио повиновался.

— Выпейте эту чашу воды.

— Я не хочу пить, — осмелился он возразить.

Взрыв хохота разорвал тишину.

— Сейчас никто не хочет пить!

Прошли дожди, и все снова зазеленело. Однако... пейте, полковник!

И приставленный кинжал царапнул ему живот.

— Еще чарочку!..

— Еще одну!

Рот Педро Онорио кривился, сопротивляясь подступающей тошноте.

— Вы сейчас выпьете весь родник!..

И еще, и еще, чаша за чашей, наполненные водой щедры, до краев, подавались ему черными руками, украшенными медными кольцами.

Педро Онорио начало тошнить. Приступы тошноты сменялись всхлипываниями. Куда и спесь девалась! Он был, как тряпка.

Тем временем из тени дерева вышел Зе Какундина.

Перед тем, как похоронить Неко, он обратился с жалобой в суд. Суд оправдал Педро Онорио.

Зе Какундина приближался, зажав в руке холодно поблескивающий нож. На его грубом лице резко выделялись зрачки, сузившиеся от ненависти.

— Дорогу! — воскликнул он.

Толпа расступилась.

— Подлец! Негодяй!

И Педро Онорио рухнул на каменистую землю.

Перевел с испанского О. КИРИК.

(Рассказ опубликован в этом году в мексиканской газете «Эль популар».)

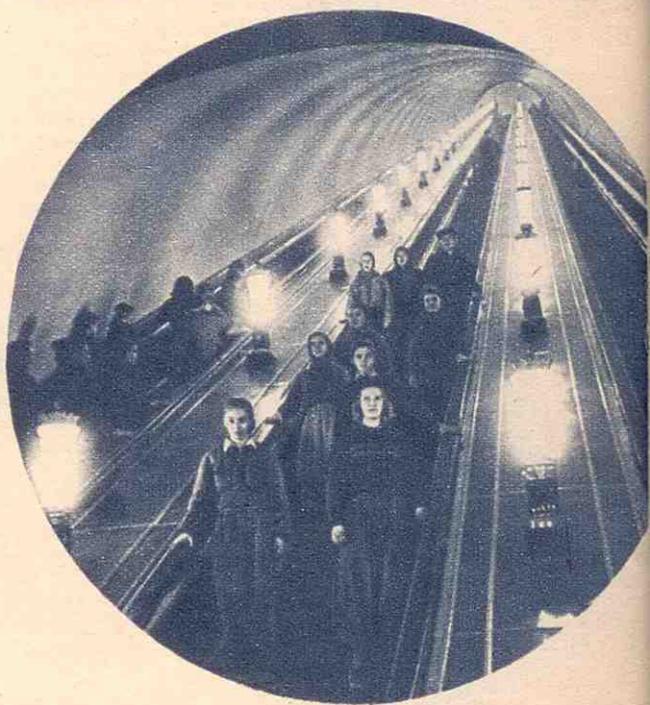

НОВЫЙ МЕТРОПОЛИТЕН

Глубоко под землю зажгли огни ленинградской подземной дороги — метрополитена имени В. И. Ленина.

Уже вступили в строй 8 станций. Немало трудностей встретили строители метро. Чтобы преодолеть пльуны и подземные воды, пришлось замораживать грунт. Сложное оборудование для ленинградцев изготовляли более 300 предприятий страны. С Украины, Кавказа, Урала, из Карелии были завезены мрамор и гранит самых ярких и нежных расцветок. Метростроители сделали все, чтобы красота подземных залов сочеталась с удобствами.

Красивы наземные вестибюли станций (фото 1). Для удобства пассажиров имеются движущиеся лестницы — эскалаторы (фото 2). Осматривая полные света и воздуха залы, невольно забываешь о том, что находишься под землей. Вот как выглядит станция «Автово» (фото 3).

Как приготовить ВКУСНУЮ ПИЦЦУ

РЫБА ПОД МАРИНАДОМ

Приготовить под маринадом можно любую рыбу: осетрину, судака, щуку, навагу, корюшку и др. Крупную рыбу (например, судака, осетрину) нужно нарезать кусками, мелкую (корюшку, навагу и другую) — оставить целой. Подготовленную рыбу посолить, посыпать перцем, обвалить в муке, поджарить на растительном масле, охладить и залить маринадом. Для приготовления маринада очистить и вымыть 2—3 моркови, 1 петрушку, 2—3 луковицы, нарезать их тонкими ломтиками, сложить в кастрюлю, добавить 3—4 ложки растительного масла и слегка поджарить (в течение 10—15 минут). Затем прибавить в кастрюлю стакан томатного пюре и пряности — лавровый лист, 3—5 горошин перца, гвоздику, кусочек корицы, накрыть крышкой и тушить 15—20 минут. После этого влить в кастрюлю $\frac{1}{2}$ стакана некрепкого уксуса, 1— $\frac{1}{2}$ стакана бульона или воды, прокипятить, заправить солью, сахаром и охладить.

ИКРА ГРИБНАЯ

На 250 г соленых грибов (или 50 г сухих) — 1 головку лука, 1—2 ст. ложки растительного масла.

Икру грибную готовят из разных соленых или сухих грибов. Соленые или сваренные сухие грибы промыть и, дав стечь воде, мелко нарубить, затем нарезать репчатый лук, слегка поджарить его на растительном масле, охладить и смешать с грибами, прибавив немного перца. Для более острого вкуса можно прибавить лимонный сок или уксус, соль, а также посыпать икру мелко нарезанным зеленым луком.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ПИРОЖКИ С ГРИБАМИ

На 1 кг картофеля — 100 г сухих грибов, 2 головки лука, 3 яйца, $\frac{1}{2}$ стакана толченых сухарей, 4 ст. ложки растительного масла.

Очищенный картофель сварить, воду слить и, не дав картофелю остыть, размять его. В полученное пюре доба-

вить 1 ст. ложку масла, 2 яйца и хорошо вымесить.

Сухие грибы промыть, сварить, мелко изрубить и поджарить на масле. Добавить мелко нарубленный поджаренный лук, соль, перец и смешать. Подготовленную картофельную массу разделить в виде небольших лепешек, на середину которых положить грибной фарш, соединить края лепешек, придавая пирожку форму полумесяца. Смочить сверху пирожки яйцом, обвалить в сухарях и обжарить на разогретой с маслом сковороде. Отдельно подать

грибной соус. Для приготовления соуса 1 ст. ложку поджаренной в масле муки развести 2 стаканами грибного отвара и варить при слабом кипении 15—20 минут. Мелко нарезанный лук поджарить с маслом, добавить нашинкованные поджаренные грибы (50 г) и еще раз все вместе прожарить, а затем положить в соус, прибавить по вкусу соль и дать прокипеть.

Такие пирожки можно приготовить и с овощным фаршем.

СБОРНАЯ МЯСНАЯ СОЛЯНКА

На 500 г мяса (для бульона) — 300 г вареных или жареных мясных продуктов, 4 соленых огурца, 2 головки репчатого лука, 2 ст. ложки томата-пюре, 3 ст. ложки масла, 100 г сметаны и $\frac{1}{4}$ лимона.

Репчатый лук нашинковать, слегка поджарить и тушить с томатом и маслом, подлив немного бульона. Огурцы очистить от кожицы и нарезать ломтиками. Мясные продукты (вареные и жареные) могут быть различные: мясо, ветчина, телятина, почки, язык, сосиски, колбаса и пр. Их следует нарезать тонкими ломтиками, положить в кастрюлю с приготовленным луком, прибавить огурцы, соль, лавровый лист, залить бульоном и варить 5—10 минут. Можно добавить нарезанные кружочками помидоры.

Моды

1. Блузка из шелковой ткани. Кокетка отделана складочками-защипами, строчкой и черным бантиком. Рукав цельнокроенный.

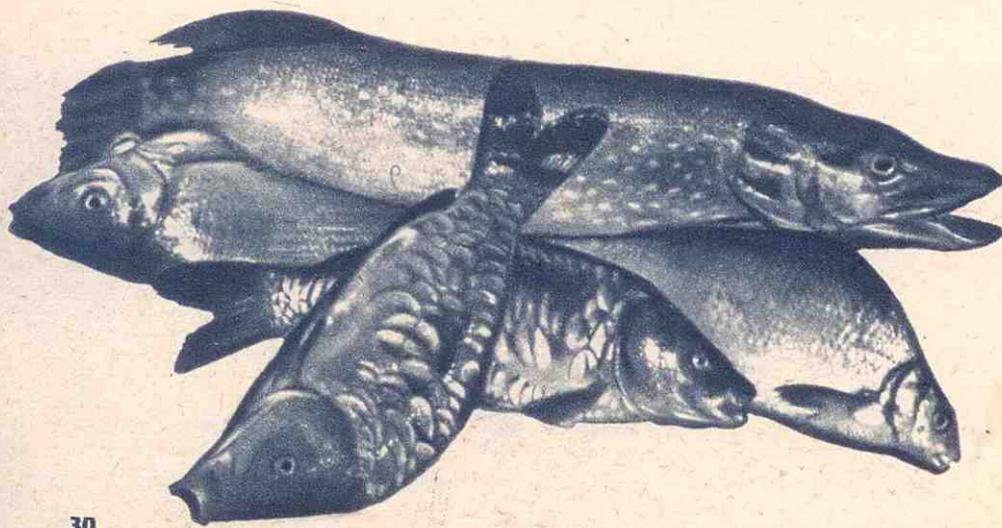
2. Платье из плотной ткани. Круглая кокетка выкраивается вместе с воротником. Полочки лифа настрачиваются на кокетку широкой отлетной складкой. Спинка, ниже кокетки, со швом по середине. Рукав цельнокроенный. Юбка прямая.

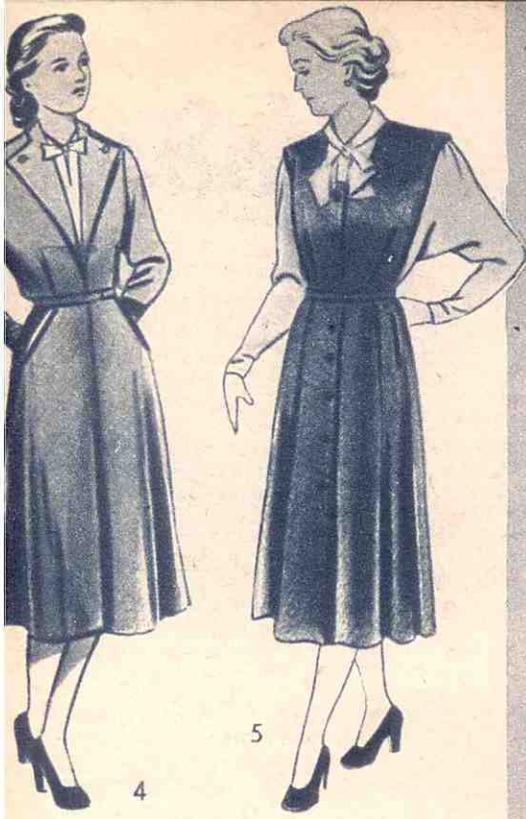
3. Платье из шерстяной ткани. Отрезной лиф спереди и сзади с рельефами. Рукав цельнокроенный, на манжете. Четырехшовная юбка книзу расклешена. Прорезные карманы с клапанами. Платье отделано строчкой.

4. Платье из гладкой шерстяной ткани. Отрезной лиф с глубоким вырезом ворота и вытачками от талии. Рукав втачной. Четырехшовная юбка книзу слегка расклешена. Карманы прорезные.

5. Сарафан из плотной ткани. Отрезной лиф без боковых швов, с мягкими вытачками от талии. Трехшовная юбка спереди с разрезом, по обе стороны которого заложено по две односторонние складки. Вырез ворота и проймы лифа отделаны строчкой.

6. Платье для девочки школьного возраста. Полочки лифа с планкой посередине и кокеткой из мелких складочек. По талии вытачки. Рукав втачной, полудлин-

ный. Двухшовная расклевенная юбка с встречной складкой спереди и бантовой складкой сзади.

7. Зимнее пальто прилегающей формы. Полочки с отрезными бочками и прорезными карманами. Спинка со швом посередине и вытачками по талии. Рукав втачной. Пальто отделано строчкой.

При подаче к столу в солянку положить сметану, мелко нарезанную зелень петрушки или укроп.

КРОЛИК ЖАРЕННЫЙ

Кролика обмыть, разрубить на части, посолить и положить в неглубокую кастрюлю или на сковороду, добавив 2—3 ст. ложки животного масла, и со всех сторон слегка обжарить. После этого поставить кастрюлю в печь и жарить кролика до полной готовности (30—40 минут), через каждые 10—15 ми-

нут поливая соком и переворачивая с одной стороны на другую. Когда кролик будет готов, выложить на блюдо, а в кастрюлю подлить несколько ложек воды и прокипятить. Полученным соком полить кролика. На гарнир подать жареный картофель, картофельное пюре, отварной рис или гречневую кашу.

РУЛЕТ С МАКОМ

На 1 кг муки — 1½ стакана молока, 5 яиц, 1 стакан сахара, 100—125 г масла или маргарина, ¼ чайной ложки соли, 30 г дрожжей. Для начинки на 300 г мака — 150 г меда и ¼ стакана сахара.

В теплом молоке развести дрожжи, всыпать половину муки и поставить опару. Когда опара увеличится в объеме примерно в два раза, положить соль и яичные желтки, стертые добела с сахаром, размешать, всыпать оставшуюся муку и замесить тесто. Затем прибавить растопленное масло или маргарин. Тесто вымесить так, чтобы оно отставало от стенок посуды. После этого тесто слегка посыпать мукой, накрыть и поставить в теплое место для подъема; когда оно увеличится в объеме вдвое, выложить его на доску.

Отдельно приготовить мак: положить его в кастрюлю, залить кипятком, накрыть крышкой и дать постоять 30—40 минут. Затем воду слить, мак слегка отжать и растереть в ступке или в миске,

прибавляя постепенно мед, а потом и сахар, чтобы получилась масса в виде густого повидла.

Готовое тесто раскатать толщиной около 1 см, положить на него слой подготовленного мака, разровнять и свернуть тесто в трубку, после чего переложить рулет на лист, слегка смазанный маслом, и поставить в теплое место для подъема; затем смазать рулет яйцом и поставить в жаркую печь на 20—30 минут.

Для аромата в тесто можно положить ванилин. При подаче на стол рулет посыпать сахарной пудрой и нарезать на куски.

ПРЯНИКИ МЕДОВЫЕ

500 г пшеничной муки, 150 г сахарного песка, 250 г меда, 100 г сливочного масла или маргарина, немного питьевой соды. Корица, гвоздика и ванилин — по вкусу.

Сахарный песок растворить в ½ стакана кипяченой воды, положить туда пряности, мед, ванилин, затем все перемешать и, всыпав муку, предварительно перемешанную с питьевой содой, замесить тесто. Затем тесто раскатать толщиной приблизительно в 1 см и, прокатав несколько раз скалкой, формовать выемкой или рюмкой. Выпекаются пряники на смазанных маслом листах на среднем огне в течение 8—10 минут.

О ГИГИЕНЕ ЖИЛИЩА

Человек проводит в жилище примерно треть своей жизни. Здесь он выполняет домашнюю работу, спит, отдыхает, восстанавливая свои силы. Поэтому очень важно, чтобы в жилище было светло, тепло, сухо и чисто.

Во многом это зависит от самих хозяев дома, от их заботы, желания и умения.

В жилище должно быть светло. Солнечные лучи благотворно действуют на человека и убивают микробов, вызывающих различные болезни. Люди, живущие в полутемных, мало освещенных солнцем квартирах, чаще болеют.

При постройке дома важно учитывать это. Ученые подсчитали, что окна должны составлять примерно $\frac{1}{8}$ часть площади пола. Например, если в комнате 16 квадратных метров, то площадь окон должна составлять не менее двух квадратных метров.

Лучше всего, когда дом обращен фасадом на южную, юго-восточную или юго-западную сторону: тогда жилые комнаты хорошо освещаются солнечным светом.

Но бывает и так: окна большие, расположены правильно, а в комнате все же мало света. В этом виноваты хозяева. Запыленные, засиженные мухами стекла задерживают почти половину солнечных лучей. Следовательно, в интересах здоровья надо заботиться о чистоте оконных стекол, чаще протирать их. Делать это лучше всего так: намазать стекло разведенным в воде мелом, дать немного просохнуть, а потом вытереть чистой сухой тряпкой.

Часть света зимой задерживают обледеневшие или запотевшие стекла. Для того, чтобы этого не было, надо, замазывая рамы на зиму, между стеклами насыпать древесный уголь или сухие опилки, торф.

Не рекомендуется заставлять подоконники цветами и другими предметами: солнечные лучи должны проникать в комнату свободно, без помех.

Для здоровья человека очень важен свежий воздух. А он бывает лишь тогда, когда жилые помещения систематически проветриваются. В окнах должны иметься форточки, открывать их нужно и летом и зимой. Не следует загромождать квартиру вещами.

Бревенчатые стены в жилых комнатах надо несколько раз в году мыть горячей водой, а штукатуренные — белить: при этом замазываются все щели, где может скопиться грязь и пыль. В пыли нередко бывают опасные микробы. Попадая вместе с воздухом в дыхательные пути человека, они могут вызвать заражение различными болезнями (гриппом, корью, коклюшем и др.).

Часто хозяйка подметает пол сухим веником, мебель обтирает сухой тряпкой. При этом значительная часть пыли

поднимается в воздух и вскоре вновь оседает. Надо подметать пол влажным веником или щеткой, обернутой мокрой тряпкой. Полы следует мыть не реже одного — двух раз в неделю, не обходя темных углов, вымывая пол под кроватями, за шкафами и т. д. Тщательно надо убирать кухню. Пищу и продукты рекомендуется хранить в закрытом виде, а для отходов иметь специальное ведро с крышкой.

Зимой в жилом доме наиболее полезна температура около 18 градусов тепла; в холодных северных районах желательно поддерживать в комнатах температуру в 21—22 градуса. Не следует допускать и слишком высокой температуры: перегревание тела так же вредно для здоровья, как и сильное охлаждение.

Вредно отражается на здоровье людей сырость. Если в комнате стирают и сушат белье или длительно кипятят воду в открытой посуде, воздух становится влажным. При закрытых окнах влага некуда деваться, и она оседает на стеклах, стенах, мебели. Сырость прежде всего возникает на нижних частях наружных стен, в холодных углах, особенно если они заставлены мебелью.

Чтобы избежать сырости, помещение, где производят стирку, необходимо проветривать, чтобы удалять влажный воздух. Важно следить за тем, чтобы при мытье полов вода не попадала в подполье. Если есть в полу щели, их надо заделать. Вымытый пол скорее просыхает при открытой форточке.

В культурном жилище не должно быть мух, тараканов, клопов и других вредных насекомых. Мухи находят необходимую для себя пищу во всякого рода отбросах, помоях, навозе и так далее. Там, где соблюдается чистота, никаких насекомых не бывает. Но если они все же появились, их нужно уничтожать, применяя порошок ДДТ или гексахлоран.

Содержать отбросы надо так, чтобы они не способствовали выводу мух. Для этого на расстоянии 15—25 метров от жилья можно устраивать компостные кучи. На глиняную утрамбованную площадку насыпают слой торфяной крошки или сухой земли. На нее кладут отбросы высотой в 15—20 сантиметров, которые прикрывают новым 10—15-сантиметровым слоем торфяной крошки или сухой земли. Так переслаивают землю и отбросы до тех пор, пока куча не достигнет 1—1,5 метра. В таких компостных кучах гибнут болезнетворные микробы и яйца глистов.

Рекомендуется разбивать перед домом палисадник: зелень не только украшает жилище, но имеет и большое оздоровительное значение.

А. ЯВНЕЛЬ,

кандидат медицинских наук.

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

К новым победам коммунизма

В честь XX съезда КПСС

Т. Квитко — Доверие

Колхозные новости

А. Трофимова — Работаем по-новому

В. Пентковская — Первая народная революция в России

Л. Кафанова — Недаром лилась горячая кровь...

Е. Леонтьева — Что мы видели в Болгарии

Наши гости

А. Грачев — В дождь. Рассказ

Н. Агеев — В сибирской дальней стороне. Стихи

М. Овсянникова — Долорес Ибаррури

М. Культнасов — Происхождение культурных растений

Индийские мастера

М. Скуратов — Заонежские вышивальщицы

Судре Вианпа — Расплата. Рассказ.

Новый метрополитен

Как приготовить вкусную пищу Моды

А. Явнель — О гигиене жилища

ВКЛАДКИ:

«НА БАРИКАДЕ». С картины И. Владимирова.

«УТРО». Доярки колхоза «Новая жизнь». Новосибирской области, Мария Васильевна Трошина (слева) и Нина Артемьевна Фелишова обмениваются новостями. Цветное фото А. Становова.

«В КЛУБ». Цветное фото М. Савина. «На выставке кустарных изделий Индии». Фотомонтаж.

На первой странице обложки: «НЕ МЕШАЙ МАМЕ ЗАНИМАТЬСЯ». Цветное фото Евгении Оцуп.

На четвертой странице обложки: «В БИБЛИОТЕКЕ». Село Староселье, Городищенского района, Черкасской области. Цветное фото Евгении Оцуп.

Оформление номера Е. Комарова.

К этому номеру дается бесплатное приложение — выкройка платья и зимнего пальто для девочки.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24. №№ телефонов: Д 3-35-35, Д 3-39-48, Д 3-38-03.

А 05965. Подп. к печ. 3/ХП 1955 г. Тираж 650 000 экз. Изд. № 1024. Заказ 3042. Формат бум. 60×92 $\frac{1}{2}$. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Замела метель дорож...

(ШУТОЧНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ)

Музыка С. ЗАСЛАВСКОГО.

Слова А. СОФРОНОВА.

Замела метель дорож,
Все деревья в серебре.
Ожидая на пороге
Я парнишку в январе.
Ожидая и не знаю
Расписанья поездов...
А пока что замерзаю
От жестоких холодов.

День завьюженный, морозный;
Все вокруг белым-бело.
Едет парень в край колхозный
На каникулы в село.
Он все знает, понимает,
Что когда и где растет...
Только одного не знает —
Как его дивчина ждет.

Замела метель дорож,
Скрылся тонкий санный след...
Стынут руки, стынут ноги,
А его все нет и нет.
Не проедет милый мимо,
Свою любушку любя...
Приезжай скорей, любимый,
Замерзаю без тебя.

Медленно, но не слишком *mp*

Заме_ ла ме_ тель до_

- ро_ ги, все де_ ре_ вья в се_ реб_ ре. О_ жи_ даю на по_ ро_ ге

я парнишку в янв_ а_ ре. О_ жи_ даю и не зна_ ю рас_ пи_

- санья по_ ез_ дов... А по_ ка что за мер_ за_ ю от жестоких

хо_ ло_ дов.

Для повторения

Для окончания

// - б_ я.

Рисунки Д. Пивоварова.

*Красноярский
Л. Г.
Рязань*

Цена номера 1 рубль.

